

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ
[236]
СЕРИЯ II
ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
(164)

Редакционный совет:

академик РАО, д.и.н., проф. Л. С. Белоусов (сопредседатель);
академик РАН, д.и.н., проф. С. П. Карпов (сопредседатель);
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. Л. И. Бородкин;
д.и.н., проф. А. Г. Голиков; д.и.н., проф. С. В. Девятков;
д.и.н., доц. О. Е. Казьмина; д.и.н. А. Р. Канторович;
д.и.н., проф. Н. В. Козлова; д.и.н., гл.н.с. Л. В. Кошман;
Н. В. Литвина; д.и.н., проф. Г. Ф. Матвеев;
член-корреспондент РАН, д.и.н., проф. С. В. Мироненко;
к.э.н. С. В. Орлов; академик РАН, д.и.н., проф. Е. И. Пивовар;
д.и.н. А. В. Подосинов; д.филол.н., проф. О. В. Раевская;
к.и.н., доц. Ю. Н. Рогулев; д.и.н. С. Ю. Сапрыкин;
член-корреспондент РАН, д.иск., проф. В. В. Седов;
д.э.н., проф. В. В. Симонов; к.и.н. О. В. Солопова;
к.и.н. А. А. Талызина

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**РУБЕЖИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
В ОЦЕНКАХ
СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

*Под общей редакцией академика РАО,
д-ра ист. наук, профессора Л.С. Белоусова*

МОСКВА – 2023

УДК 930
ББК 63.3(0)6
Р82

EDN: <https://elibrary.ru/oawfao>

*Печатается по решению Учёного совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова от 21 апреля 2023 г. (протокол № 3)*

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор *Л.С. Белоусов*, д-р ист. наук, доцент *Д.А. Андреев*,
д-р ист. наук, профессор *А.Ю. Ватлин*, н.с. *П.Ю. Князев*

Рецензенты:

Л.В. Ланник – д-р ист. наук, старший научный сотрудник
(Институт всеобщей истории Российской академии наук);
О.И. Агансон – канд. ист. наук., ведущий научный сотрудник
(лаборатория новой и новейшей истории стран Европы и Америки)
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова)

Рубежи новейшей истории в оценках современных исследователей / под общей редакцией Л.С. Белоусова. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 116 с. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 236. Сер. II. Исторические исследования, 164).

ISBN 978-5-317-07110-3

DOI: <https://doi.org/10.29003/m3785.978-5-317-07110-3>

Сборник был подготовлен по итогам круглого стола «Долгий XX век? Рубежи новейшей истории в оценках современных исследователей», который был проведён 28 апреля 2021 г. на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. На страницах издания представители МГУ имени М.В. Ломоносова и Института всеобщей истории РАН предложили свои ответы на вопросы о том, какие критерии могут быть положены в основу периодизации новейшей истории. Проанализированы подходы к периодизации новейшего времени в различных историографических традициях, а также рассмотрен вопрос о том, как новые подходы к периодизации могут повлиять на структуру учебных курсов высшей школы. Издание рассчитано как на преподавателей и специалистов области новейшей истории и историографии, так и на широкий круг читателей.

Ключевые слова: историография, периодизация истории, преподавание новейшей истории, всемирная история.

УДК 930
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-317-07110-3

© Исторический факультет МГУ
имени М. В. Ломоносова, 2023
© Оформление. МАКС Пресс, 2023

Оглавление

<i>Ватлин А.Ю., Князев П.Ю.</i> Введение.....	6
Часть I. Современные подходы к периодизации нового времени	9
<i>Белоусов Л.С.</i> Вступительное слово.....	9
<i>Мирзаханов В.С.</i> Глобальная история XIX–XX вв.: подходы, модели времени.....	13
<i>Вопросы докладчикам и первая дискуссия</i>	20
Часть II. Критерии периодизации новейшей истории в историографии и практике преподавания	25
<i>Сетов Р.А.</i> Как совместить разумное с неизбежным? Пути реформирования лекционного курса по новейшей истории	25
<i>Наумова Н.Н.</i> Интеграционные процессы как критерий периодизации послевоенного времени.....	30
<i>Истратов В.Н.</i> Берлин, ноябрь 1918 – Берлин, ноябрь 1989: краткий век	37
<i>Вопросы докладчикам и вторая дискуссия</i>	43
Часть III. Подходы к периодизации новейшей истории в национальных историографиях: общее и особенное ...	50
<i>Ватлин А.Ю.</i> Рубежи современной истории в трактовках германской историографии.....	50
<i>Суслопарова Е.А.</i> Проблемы периодизации новейшей истории Великобритании.....	58
<i>Вершинин А.А.</i> Периодизация новейшей истории: концепции советских историков и их значение.....	65
<i>Родин Д.В.</i> Дискуссии о периодизации «холодной войны» в современной отечественной историографии	72
<i>Вопросы докладчикам и итоговая дискуссия</i>	82
Сведения об участниках дискуссии	109
Указатель имён (сост. П.Ю. Князев).....	111

Введение

Эпоха новейшей истории представляет огромный интерес для исследователей – возникают всё новые научные школы и направления, становятся доступны архивные фонды, публикуются монографии и научные статьи. К специфике периода изучения данного периода, который является ближайшим к нам с хронологической точки зрения, необходимо отнести его постоянное «расширение»: в текущий период (начало 2020-х гг.) бесспорно, что он продолжается уже более ста лет. Данное обстоятельство сильно отличает современных исследователей этого периода от учёных, обращавшихся к нему в течение XX в. – на наших глазах историческая эпоха наполняется всё новыми событиями, эволюционируют международные отношения, экономические структуры и политические институты. Это обстоятельство в некоторой степени осложняет работу историка, однако в целом даёт импульс к развитию дисциплины, которую в режиме реального времени дополняют значимые события и обогащают новые методологические подходы.

Постоянное расширение периода оказывает заметное влияние на преподавателей, причем как средней, так и высшей школы. Им приходится, при сохранении существующих стандартов и учебных планов, интегрировать в свои курсы новый материал, заботясь об усвоении обучающимися не только «свежих» данных, но и ключевых событий и процессов, предшествующих современности. Поиск стратегий подобной «оптимизации» исторического времени и отбора важнейших фактов и материалов

* *Ватлин Александр Юрьевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

** *Князев Павел Юрьевич* – научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

составляет сложную задачу для специалистов по новейшей истории. Её решение связано с поиском оптимальных подходов к периодизации данной эпохи. Ведь, лишенный промежуточных рубежей, новейший период всеобщей истории «растягивается» в реальном времени, но в то же время «сжимается» в пространстве семестра, который отведён на его изучение. Его внутренняя периодизация, часто весьма условная, может, тем не менее, служить «маркером» рубежей между различными отрезками времени, способствовать рациональному структурированию материала.

Для облегчения задач периодизации историки нередко прибегают к помощи историографических конструктов. Среди них есть как «ответственные» за членение национальной истории (к примеру, «долгий XVIII век» в Великобритании), так и претендующие на деление всемирной истории (здесь особенно важны наработки Э. Хобсбаума, выделившего «долгий XIX в.» (1789–1914) и, соответственно, «эпоху крайностей», «короткое» XX столетие (1914–1991). Однако в историографии может существовать бесконечное количество конкурирующих схем, и историку следует при выборе периодизации исходить скорее не из мнений авторитетных предшественников, как отечественных, так и зарубежных, а из собственного исследовательского фокуса, а также из «маркирующих» определенную эпоху объективных процессов и явлений.

Необходимость представить актуальные, самостоятельные и аргументированные точки зрения по вопросу о возможных путях периодизации новейшей истории вызвала к жизни выход настоящего сборника. Он был подготовлен по итогам круглого стола «Долгий XX век? Рубежи новейшей истории в оценках современных исследователей», который был проведён 28 апреля 2021 г. на кафедре новой и новейшей истории исторического факультета МГУ в рамках проекта «Ключевые проблемы новейшей истории в оценках современной зарубежной историографии» при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина.

Мы исходили из того, что в рамках исследования и преподавания границы первого периода новейшей истории не вызывают сомнений (от завершения Первой до завершения Второй мировой войны), однако вопрос о внутренних рубежах послевоенного периода приобретает всё большую остроту и актуальность.

На страницах настоящего сборника представители МГУ имени М.В. Ломоносова и Института всеобщей истории РАН предложили свои ответы на вопросы о том, что может быть положено в основу периодизации новейшей истории наряду с войнами и революциями: это как минимум технологические прорывы (формирование информационного общества), глобальные угрозы цивилизации или фундаментальные социальные сдвиги. Они проанализировали подходы к периодизации новейшего времени в различных историографических традициях, а также поставили злободневный вопрос о том, как может отразиться возможный «сдвиг» периодов всеобщей истории XX–XXI вв. на структуре учебных курсов высшей школы.

ЧАСТЬ I

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

*Белоусов Л.С.**

Вступительное слово

Коллеги, эта тема меня волнует уже давно, неоднократно мы обсуждали её с А.О. Чубарьяном еще где-то 10–12 лет назад. Тогда я предложил взглянуть на хронологию послевоенной истории, выделив определенный рубеж. Меня побудило это сделать чтение нашего общего лекционного курса: было ясно, что в рамках лимитированного времени сам период новейшей истории «увеличивается» без конца. Каждый год это новый материал, и каждый раз приходится реструктурировать курс, «ужимая» какие-то хорошо известные темы, вводя всё новый и новый материал.

Есть ещё одна проблема. Зачастую это чисто научная работа (поскольку новый материал ещё не осмыслен, в особенности данные последних лет – появились только политологические выкладки), нам самим приходится «докручивать», осмысливать но-

* *Белоусов Лев Сергеевич* – д.и.н., профессор, академик РАО, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

вые факты, чтобы правильно подать материал студентам в виде готового образовательного продукта.

Беседы с А.О. Чубарьяном натолкнули меня на мысль, что нужно погрузиться в заявленную проблему поглубже. А потом началась работа над школьными учебниками, и там была та же самая история. Иными словами, соображения, которые изложены в моей статье и в выступлении на Президиуме РАО, рекомендованных к прочтению, полемичны и провокационны. Провокационны потому, что странно было бы от заведующего кафедрой новой и новейшей истории слышать предложения о замене названий и ликвидации понятия «*новейшая история*» в пользу истории «*современной*». Вся аргументация того, как это можно было бы сделать, и какие выбрать внутренние хронологические рубежи, там изложена.

Курс новейшей истории предстоит полностью переделать. Хронологические рубежи очевидны: Вторая мировая война – первый из них – это старт совершенно новых процессов. Мы их осмысливали и много писали об этом, каждый в своем ракурсе. Но всё то, что происходит сейчас, когда возникли совершенно новые тренды в развитии человечества в целом, в развитии современного общества, обращает на себя особое внимание. Речь идет о том, что тренды, тенденции, которые качественно отличают данный период от всех предшествующих, требуют *хронологической фиксации*, и, следовательно, выделения тех специфических черт, которые позволят нам это сделать.

Иными словами, у меня есть просьба к участникам предстоящей дискуссии. Будут представлены разные точки зрения, выделены некие вехи, некие рубежи, обозначенные с точки зрения развития определённых процессов (интеграционных, информационных, «холодной войны» или чего-либо ещё). Хотелось бы, чтобы в конечном итоге мы пришли к некому консенсусу. Желательно договориться о том, как мы в дальнейшем выстраиваем преподавание новейшей истории в высшей школе. Возможно, вся история данного периода будет чётко укладываться в три отдельных тома.

Первый охватит материал с начала новейшего времени и до конца Второй мировой войны. Второй – до рубежа 1980–1990-х гг. (до краха мировой социалистической системы). Либо, если мы берём за основу анализ развития западной цивилизации, мы никуда не денемся от 1970-х гг., от *структурных кризисов* того времени. Они названы так потому, что затронули ряд ключевых структур современного общества, и внимание историка здесь должно быть сосредоточено не только на методах управления со стороны государства. Лидеры западных стран не просто «повернули» в сторону неоконсерватизма, но и оказали своей политикой влияние на другие процессы развития общества. Возможно ли это выбрать в качестве содержательного рубежа?

Либо мы идем по пути преимущественно политической истории, и тогда эти рубежи совершенно чётко выстраиваются. С одной стороны, это Вторая мировая война, с другой – крах мировой социалистической системы. Отсюда выход на мой провокационный вопрос: если мы остаёмся в рамках формационного подхода, что вполне возможно, тогда это всё одна, предыдущая формация, она никуда не делась. Были 70 лет социалистического эксперимента, а вот качественные изменения начинаются с завершением этого процесса, и с 1990-х гг. мир выходит на некую новую траекторию. И «холодная война» заканчивается, хотя, скорее, приобретает некую новую форму «холодной войны 2.0»; идеологическое противостояние завершается. Не глобально-стратегическое, а именно идеологическое.

Термин «современная история» есть в любой западной историографии. Применительно к моей «родной», итальянской, там вообще нет понятия «новейшего времени». Там есть одна только «современная история» – «*contemporary history*» – «*la storia contemporanea*» – и всё. Мы раньше переводили её как «новейшую», но на самом деле это не новейшая история, это наше изобретение.

По возможности, постарайтесь прийти – но не методом голосования – к консенсусу, и это будет для нас чрезвычайно важно. Мы сможем по-другому выстроить преподавание периода XX–

XXI вв., поскольку оставаться на прежних рубежах мы попросту не можем. Предмет нашего преподавания так изменился, что оставаться в рамках прежнего хронологического и терминологического подхода попросту нецелесообразно. Конечно, нам нужны для этого научные аргументы – так как мы вовсе не хотим упростить учебный процесс для себя и для студентов. Нужно лишь выявить определённые тренды в развитии изучаемого нами общества, которые и позволят нам вооружиться новой *хронологией преподавания*, а, может быть, отчасти и новой терминологией.

Поскольку данный круглый стол интересен и провокационен, я думаю, мы могли бы эту дискуссию продолжить, она вряд ли ограничится одним круглым столом. Если у нас получится интересно, попробуем опубликовать результаты работы в виде материалов круглого стола – с выступлениями и полемикой, так, чтобы ни одна мысль не осталась за бортом. В 1996 г. Институте всеобщей истории РАН опубликовали прошедшую там дискуссию по проблемам тоталитаризма, его основных черт, и это обсуждение породило монографию, в которой изложен консолидированный взгляд историков разных направлений на проблему тоталитаризма¹. И были выделены четыре черты, которые характеризуют данный феномен. Работа вызвала бурную реакцию среди профессионалов, отклики в журналах, рецензии и критику. Материалы нашего круглого стола тоже могут дать старт более широкой дискуссии, а также её продолжению. Желаю вам успеха!

Дополнительная литература к выступлению:

1. Белоусов Л.С. Актуальные проблемы методологии преподавания всеобщей истории в общеобразовательных учреждениях // Человеческий капитал. 2017. № 11 (107). С. 31–36.

2. Белоусов Л.С. Историко-культурный стандарт по всеобщей истории: проблемы методологии // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 166–178.

¹ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / под ред. Дробикина Я.С. и Комоловой Н.П. М., 1996.

Глобальная история XIX–XX вв.: подходы, модели времени

Спасибо, коллеги. Прежде, чем представить свой доклад, я хочу вас поблагодарить за приглашение. Я видел в анонсе нашей встречи, что мы рассматриваем XX в., но я сознательно присоединил XIX в. к своему выступлению. Мой доклад раскроет эту логику, потому что у нас было очень большое обсуждение, когда мы готовили «Всемирную историю», пятый том и шестой, в двух книгах. И была большая дискуссия по периодизации. По итогам этой дискуссии мы не пришли к единому мнению, но мы решили представить XIX в. как «долгий XIX век», за ним последовала формация «короткого XX века», и я сегодня, конечно, воспроизведу ключевые идеи этой дискуссии. Хотя применительно к XIX в. я написал большую статью в «Новой новейшей истории», где представлено, как рассматривается история XIX в. в мировой историографии. По-моему, это произошло как раз тогда, когда вышел пятый том (в 2015 г., в четвёртом номере журнала вышла данная статья).

История *модерностей* представляется профессиональными историками чаще всего в хронологических рамках XIX–XX вв. При периодизации исторического времени в границах этой эпохи центральное место занимает концепция «долгого XIX века», за ней следует формация «короткого XX века». Традиционно, XIX в. представляется финальным аккордом нового времени, а XX в. – уже периодом новейшей истории. Новейшая история в каждой стране понимается по-своему: существуют самые разные её периодизации – как в Европе и Америке, так и в России или в Азии.

* Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора и руководитель отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН.

В историографической традиции последних десятилетий XIX в. предстаёт в «удлинённой», и «укороченной» версиях, «долгим» и «кратким» (начиная с 1776, 1789, 1815 и даже с 1848 гг. и заканчивая, как правило, но не всегда, 1914 г.) Так, известный немецкий историк Юрген Остерхаммель в своей монументальной работе «Преображение мира. Глобальная история XIX века» заканчивает век 1918-м годом. При этом XIX в. не получил особого обозначения, подобно своему предшественнику, вошедшему в историю как «век Просвещения». Мы имеем дело с безымянным, фрагментированным веком, неким переходным периодом между XVIII в. и последующими столетиями.

В любом случае, XIX в. представляется как история современности, как история «первой современности», и поэтому невозможно «оторвать» XIX в. от XX и XXI столетий, потому что это всё – современная история. XIX в. выступает предысторией современности. Трансформации, которые начались в XIX в., прервались в 1914 г. Поэтому, с определенными оговорками, XIX в. считают «долгим веком». В этом смысле он чем-то повторяет XVIII в., который тоже остался в исторической памяти как век, длившийся дольше отмеренного ему календарем периода.

Конечно, концепция «долгого XIX века» имеет свои плюсы и минусы. Но, исходя из контекста глобальной истории, внешние, динамические границы этого «долгого XIX века» могут быть определены 1789 и 1914 гг. Великая Французская революция и Первая мировая война предстают здесь как главные вехи концептуализации имперской и национальной перспективы в европейской и глобальной истории XIX в. особенно, когда мы рассуждаем в поле политической истории. Эпоха XIX в. ознаменована утверждением капиталистических отношений и стандартов классического модерна.

«Долгий XIX век» олицетворяет буржуазное общество, национальную государственность, имперские системы, индустриальные производственные отношения, техническую и интеллектуальную рационализацию, инновационное и прогрессистское мышление. Предложенные содержательные элементы, компо-

ненты «долгого XIX века» в первую очередь касаются таких областей, как политика, идеология, международные и межгосударственные отношения. Этот ряд аргументации нужно проверить по отношению к экономике, к институтам власти, к социальному устройству в целом. Кроме того, необходимо обратить внимание на повседневные практики, поскольку в этих случаях хронологические рамки тоже могут быть достаточно подвижны.

В любом случае мы понимаем, что к календарному 1800 г. были сформулированы основные способы восприятия, картины мира модерна. Центральными идеями новой временной модели остаются концепции цивилизации, Просвещения и прогресса. Следовательно, XVIII в. как бы «вращается» в XIX столетие и создаёт какой-то баланс ожиданий. Эпоха Просвещения – так мы по крайней её представили во «Всемирной истории», – стала своего рода «лабораторией модерна», в данный период проектировались и обсуждались *модели нового*, которые уже в следующем веке были осмыслены как «современность».

При этом, когда мы сравниваем XVIII и XIX вв., мы видим кардинальное отличие в *понимании ритмов времени*. В модели «политического времени» XVIII в. главным была стабильность. Иными словами, было невозможно «спешить», «отставать» или «опаздывать», в то время как для XIX столетия характерна динамическая модель: хребтом века становится прогресс, в контрасте со статической моделью Просвещения, в XIX в. всё приходит в движение, и теперь уже становится важным не отставать от прогресса. Желающим не отстать предлагается «вскакивать на подножку», парадигма «догнать и перегнать» выглядит ключевой, для кого-то и недостижимой, применительно к XIX в.

Представляется, что XX в., основной предмет нашего разговора, продолжил эту динамическую модель, возвёл идеи и практики прогресса, развития в абсолют. С позиций сегодняшнего дня прослеживается преемственность между XIX и XX вв. Очевидно, что «долгий XIX век», с его противоречиями, конфликтами, научными достижениями, реально «вращается» в практики «короткого XX века».

В России долго привыкли считать началом новейшего времени 1917 г. Наш исходный тезис предполагает, что новое время, начало которого приходится на рубеж XV–XVI вв., на открытия Колумба (некий символический рубеж), можно продлить до 1914 г., его конец приходится на начало Первой мировой войны. Первая мировая война – это исходная точка XX столетия, она положила начало катастрофам XX в.; эта война полностью изменила мир, разорвала существующие социальные и политические порядки, ввергла человеческую цивилизацию в жесточайший кризис. «Великая война» развязала жестокость, ненависть, которой окрасился весь век. Б.Л. Пастернак обронил замечательную фразу: «1913 год был последним, когда легче было любить, чем ненавидеть». Нормальный, привычный, разумный мир был опрокинут. Волны злобы, страха, отчаяния, особенно отчетливо мы их видим в первой половине XX в.

С 1914 г. и до сегодняшнего дня происходит нарастание многочисленных проблем, разрушающих привычный мировой порядок, разрывающий прагматичные отношения национальных государств. Наследие Первой мировой войны, которое включало конфликты, революции и гражданские войны, протянулось через XX столетие вплоть до наших дней. Неслучайно в историографии, по крайней мере в немецкой, европейской всё чаще употребляют термин «вторая Тридцатилетняя война» применительно к периоду, который мы привычно называем «межвоенным». При этом подразумевается, конечно, период между 1914 и 1945 гг. Диктатуры и авторитарные режимы 1930-х гг. «национализировали» опыт Первой мировой войны, использовали его в политических целях, приблизив катастрофу Второй мировой войны.

Безусловно, ретроспективу XX в., «короткого XX века», определяет Вторая мировая война – фашистская оккупация, геноцид, победа над фашизмом, последующий разрыв мира биполярной системой, распад Советского Союза и окончание «холодной войны». Но до сих пор ни в российской, ни в мировой историо-

графии нет целостного исторического взгляда на XX в. Он не сложился, и мировая историческая наука продолжает жить в рамках национальной модели «короткого XX века». Сконструированные модели, которые мы имеем, это вариации именно *национальной истории XX века*. Даже в тех версиях, когда они успешно вписаны в транснациональную и глобальную историю.

Завершают «короткий XX век» события 1989–1991 гг., которые ознаменовали конец биполярного мира, распад Советского Союза, окончание «холодной войны». Мы, конечно, шестой том «Всемирной истории» содержательно закончили этой датой, но всё равно, особенно в региональных сюжетах, доходили до конца календарного XX в., потому что подходы к периодизации разных наших авторов всё равно чуть-чуть различались. После окончания «холодной войны» заговорили о «конце истории», вы помните эту дискуссию, об окончательном торжестве либеральной демократии и свободного рынка, о перспективах бесконфликтного мирового порядка. В то время я только начал преподавательскую деятельность в университете, и хорошо помню все эти надежды, иллюзии и ожидания.

В настоящее время очевидно, что нет никакого сложившегося справедливого мирового порядка, есть расколотый мир, и мы ждём, когда всё-таки устоит этот мировой порядок и будут какие-то правила. В любом случае, чудовищная жестокость локальных конфликтов начала XXI в. показывает, что линии раскола и ментальные последствия противоборства периода «холодной войны» никуда не делись. Конфликтность, переходность влияет на оценки прошлого, в том числе и XX в., профессиональным сообществом и широкой публикой, и усложняет создание картины современности в контексте как национальной, так и глобальной истории. Но мне кажется, что нам не надо наивно пускаться в поиски переломных эпох и исторических сдвигов.

Всемирная история ещё в меньшей степени, чем национальная, является историей наций или регионов, поддаётся «нарезке» на чёткие временные отрезки. Границы эпох различаются

не с помощью глубокого понимания их «объективного» смысла – они проявляются во взаимоналожении многочисленных более тонких сеток времени. Поэтому наряду с грубыми делениями на эпохи гораздо больший интерес представляют *тонкие периодизации*.

Их необходимо создавать для каждой пространственной единицы, для каждого человеческого общества и для каждой сферы бытия – от истории окружающей среды до истории искусств. Эти тонкие периодизации, на мой взгляд, обязательны для профессионального сообщества; и, конечно, очень трудны для непрофессионального исторического сознания. Ф. Бродель в созданной им теории исторических времён подчёркивал, что восприятие временных категорий и оценка быстроты или медленности того или иного процесса зависят от исследовательских задач и методик. С этим трудно не согласиться. В модусе «событийной истории» возможно описание, например, какого-нибудь сражения Второй мировой войны по часам, и даже по минутам; а изменения в истории климата реально проследить только в масштабе столетий и тысячелетий.

Поэтому когда мы говорим о мировой истории, нам в первую очередь приходится акцентировать внимание на долговременной цепи взаимосвязей. Индустриализация может датироваться для какой-то европейской страны несколькими десятилетиями, но как глобальный процесс она продолжается и по сегодняшний день. Мы не можем с этим не считаться. Исторические процессы разыгрывались не только внутри каких-то отдельных временных рамок. Их нельзя просто разделить на короткие, средние и длительные. Они различаются также в зависимости от того, как протекают: последовательно или прерывисто, совокупно или разрозненно, обратимо или необратимо, с постоянным или меняющимся темпом.

Представляется, что наиболее интересны те трансформационные процессы, которые рождают последствия в пространстве между несколькими полями наших исследований. Например,

воздействие окружающей среды на социальные структуры, или воздействие специфики менталитета на экономическое поведение. Поэтому мы совершенно однозначно признались в нашей серии «Всемирная история», что календарное течение времени и исторический взгляд на время могут не совпадать. Таким образом, вопрос о начале и конце XIX в., о начале и конце XX в., даже при самых первых попытках дать на него ответ, предполагает отступление от простой хронологии и решается множеством самых различных способов. Всякий исторический взгляд на временные пределы этих столетий будет, на мой взгляд, всего лишь результатом очередного более или менее широкого консенсуса профессиональных историков по этому вопросу.

Дополнительная литература к выступлению:

1. *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории: проблемы, подходы, модели времени // *Всемирная история в шести томах. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации.* М.: Наука, 2014. С. 5–20.
2. *Мирзеханов В.С.* XIX век в мировой истории (к выходу V тома «Всемирной истории») // *Новая и новейшая история.* 2015. № 4. С. 3–19.
3. *Мирзеханов В.С.* Глобальная история XIX–XX вв.: подходы, модели времени // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2016. Т. 7. Вып. 10 (54). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840001740-3-2>
4. *Мирзеханов В.С.* XX век: волны революционных трансформаций // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2018. Т. 9. Вып. 7 (71). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002498-6-1>
5. *Мирзеханов В.С.* Нация в имперском и постимперском измерении: многомерность исторического опыта XIX–XXI вв. // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). Режим доступа: <https://history.jes.su/s207987840002436-8-1>
6. *Osterhammel J.* *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century.* Princeton – Oxford: Princeton University Press, 2014.

Вопросы докладчикам и первая дискуссия

Роголев Ю.Н. Пожалуйста, какие есть вопросы к докладчику? У нас еще немного времени есть, я думаю, что мы могли бы по этому докладу задать вопросы, а потом уже перейдём к нашим докладам. Пожалуйста.

Ватлин А.Ю. Можно, я, Юрий Николаевич?

Роголев Ю.Н. Пожалуйста.

Ватлин А.Ю. Велихан Салманханович, я хотел спросить Вас вот о чём: совсем ли ушло в прошлое *циклическое понимание времени*, как возврата к чему-то прошлому? Вы знаете, у меня такое впечатление, что на рубеже XX–XXI вв. есть некоторая усталость от динамики, страх перед прогрессом (можно говорить про COVID19, нарастание региональных конфликтов, там много и других факторов). Подобно тому, как было когда-то воспевание «золотого века» в прошлом, не является ли это некоей ностальгией, которую пока можно только почувствовать, как говорится, уловить в ощущениях? Может быть, это потом станет каким-то рубежным периодом? Или Вы думаете, что безграничность прогресса, представленная на рубеже XVIII–XIX вв. Французской революцией – это такой паровоз, который никогда не остановится?

И позвольте сразу второй вопрос – проблема соотношения европейского и неевропейского мира. Мы все как бы «западники» (т.е. специалисты по истории стран Запада), это я уже перехожу к вопросу о преподавании, потому что у нас как: три раза проходится мировая история: история Запада, история славян и история «Незапада», то есть стран Азии и Африки. Что здесь нам делать? Сохранить административное деление или здесь есть какие-то возможные пути синтеза? Я здесь пока синтеза не вижу, может быть у Вас есть какие-то идеи для нас, как говорится, «полевых преподавателей»?

Мирхезанов В.С. Спасибо, Александр Юрьевич, за вопросы! Я соглашусь с Вами, совершенно очевидно, что философия про-

грессизма уходит в прошлое, и это очевидно уже в XXI веке, и понятно, что нас ожидает совершенно иная культура мышления, другие подходы к развитию мира. Это была одна из причин, почему мы завершили 1990-1991 годами XX век. Вырисовывается принципиально новая эпоха, мы не знаем всех её очертаний; пока мы можем только констатировать, что это совершенно расколотый мир, очень опасный, в котором не работают многие правила XX века. Мы совершенно точно понимаем, что ялтинско-потсдамский порядок, который был установлен в 1945 г., он, его правила сейчас в мире уже не работают.

Обращаться назад и говорить: «надо бы к ним вернуться» – контрпродуктивно, это никому ничего не даёт. Но у нас нет нового мирового порядка. Единственное, что мы можем сказать, что кризис пандемии ускорил становление будущего порядка. И, может быть, в ближайшие пять лет эти очертания будут видны отчётливее. Но это, действительно, приведет к появлению новой философии, в которой ключевыми идеями станут идеи баланса между экономикой, экологией и т.д., начнут доминировать идеи устойчивого развития. Поэтому я согласен с Вами. То, чем мир, особенно Запад и Россия, жили с XVIII по XX вв., уходит в прошлое, в этой парадигме философии и идеологии XXI век уже не будет развиваться.

И это заставляет нас представлять учебный курс, начиная с 1990-х гг., по-новому. Хотя, как я уже сказал, полностью его очертания ещё не видны. Мы можем представить довольно четко всё, что произошло применительно к XX веку, с 1914 по 1990 год. Хотя привычное деление века на две половины на самом деле очень сложное. Но для меня очевидно, и я вижу это по историографии, в первую очередь более знакомой мне французской, что термин «*современная история*» (не «*новейшая*») нередко воспринимается коллегами в мире именно как XIX–XXI века в совокупности. Те же Остерхаммель и французские историки называли XIX в. «*первой современностью*». Это не случайно, значит «*вторая современность*» – это уже XX в.

И сейчас мы переживаем условную «третью современность», но все вместе это формирует единый цельный блок современной истории. Новую историю традиционно принято начинать с рубежа XV–XVI вв., а как внутри организовать это пространство – это ещё более сложный вопрос. Почему? Эта периодизация – это наша, европейская, хронология. Потому что в мусульманском мире, в Индии, в Китае не принимают определение XIX в. как «первой современности», потому что там совершенно другие традиции. Сейчас уже нет доминирования исключительно западной историографии, уже все национальные школы активно входят в процесс её пересмотра. Поэтому подходы к периодизации должны меняться.

Что касается нашего традиционного деления «славяне – Европа и Америка – Азия», конечно, нам нужно вместе найти пути их интеграции. На мой взгляд, оптимальная модель – это представление национальной истории, то есть истории России (Российской империи, Советского Союза, современной России) как отдельного большого курса, и интеграция того, что мы преподаём в области мировой истории, не по страновому принципу, а, может быть, по макрорегиональному и по проблемному. Это могло бы стать решением, хотя мы прекрасно понимаем, что российская и мировая история – это тоже единый исторический процесс, а подход, их разделяющий – тоже анахронизм.

Поэтому хорошо бы было наши базовые, фундаментальные курсы представлять как транснациональную, глобальную историю, начиная по крайней мере с XIX по XXI века, где мы бы дали характеристику ключевых процессов, а дальше чуть-чуть коснулись бы истории каких-то макрорегионов в их взаимосвязи. Это сделало бы наши курсы более ценными, потому что если у нас будет, например, отдельный курс истории славян, то это будет курс переплетения национальной и трансрегиональной истории, и мы за эти обозначенные рамки все равно не выйдем, а соответственно современного, адекватного, цель-

ного представления истории в соответствии с текущим уровнем мировой науки в этой модели не дадим.

Совсем недавно я в журнале «Новая и новейшая история» написал об этом переплетении транснациональной и региональной истории небольшую статью. Если Вам будет интересно, посмотрите, потому что сейчас есть запрос на то, чтобы по-новому оценить события, произошедшие сразу после Первой мировой войны на Ближнем Востоке, в Восточной Анатолии и на Кавказе. Я смотрел историографию национальную, и я понимаю, что эту историю надо заново открывать. Ни одна региональная историография не дает трактовки, близкой к современному пониманию событий, которые происходили в этом регионе: ни грузинская, ни армянская, ни российская. И если мы говорим о профессиональной работе, мы неизбежно должны подниматься над этим. Даже в российской историографии пока очень мало работ, адекватно представляющих события, которые происходили после Первой мировой войны, монографий об устройстве постимперского пространства в Восточной Европе, и так далее.

Поэтому мы не ответим сегодня на все вопросы, но совершенно очевидно, что мы должны очень серьёзно трансформировать наши курсы: и по периодизации, и структурно, и содержательно. Помимо этого, наша задача показать студентам современный уровень мировой исторической науки, что прекрасно делает Ваша кафедра. Когда мы что-то пишем, в виде учебника или «Всемирной истории», наша задача показать этот уровень, если, конечно, образовательные стандарты нам позволяют это. Но стремиться мы должны именно к этому. И я думаю, что мы в начале очень большого разговора, в первую очередь, по содержанию и по делению курсов, потому что все наши кафедры, все наши условно говоря исторические факультеты, все наши модели представления историописания – это национальные модели. И надо честно признать, что они в полной мере представления о современной истории уже не дают, поэтому мы

должны меняться, если хотим представить нашим студентам самые разные поля исследования.

Ватлин А.Ю. Спасибо большое!

Рогулев Ю.Н. Коллеги, может быть, мы вернемся к нашим выступлениям, и после обратимся к дискуссии. Давайте продолжим нашу работу по критериям периодизации новейшей истории и практике её преподавания.

ЧАСТЬ II КРИТЕРИИ ПЕРИОДИЗАЦИИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В ИСТОРИОГРАФИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ

Сетов Р.А. *

Как совместить разумное с неизбежным? Пути реформатирования лекционного курса по новейшей истории

Спасибо коллеги! Я, на самом деле, с конца марта, когда Александр Юрьевич и Павел Юрьевич прислали первые материалы и пригласили меня участвовать в круглом столе сегодня, об этом внимательно размышлял. Внимательно прочитал и те статьи, которые были присланы к дискуссии, и даже посмотрел ещё одну статью 2020 г. уважаемого нашего гостя Велихана Салманхановича, об историографических тенденциях в истории уже XX века¹. И хотел бы сегодня высказать свои соображения как человек, который уже многие годы читает,

* *Сетов Роман Александрович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹*Мирзаханов В.С.* История XX века: многообразие историографических подходов к пониманию феномена // Новая и новейшая история. 2020. № 5. С. 7–30.

по-старому называющуюся, «первую часть» новейшей истории, период с 1918 по 1945 гг. Конечно, поддержу Льва Сергеевича: мы с ним не раз и не два за последние лет пять-семь, а то и больше, говорили об этой периодизации: как соотносятся «первая» и пресловутая «вторая» (после 1945 г.) части нашего курса.

Мой опыт показывает, что об этом можно и нужно думать и, наверное, прежде всего на основании *опыта*. Читать этот курс я начинал, как и многие коллеги, в сжатом виде: в одном случае это был курс и новой, и новейшей истории вместе; в другом были соединены и оба периода новейшей истории (к примеру, для факультета журналистики); и для студентов Института стран Азии Африки я читал укороченный курс, читал и на вечернем отделении. И вот, последние четырнадцать лет я читаю данный курс на дневном отделении, у нас на историческом факультете.

И сразу скажу, что опыт реформатирования курса у меня возник сразу, как только я приступил к этому делу. В это время я тогда ещё нашему заведующему кафедрой Е.Ф. Языкову говорил, что при чтении курса я за кафедральным учебником следовать не буду. И что хронологию, на которой построен учебник, использовать тоже не буду. Сделаю по-своему, поставлю большие проблемы, которые заслуживают этого отдельно. Скажем, такие, как итальянский фашизм или национал-социализм в Германии, рассмотрены отдельно крупными блоками; что я буду использовать страноведческий принцип. От каких-то вещей пришлось отказаться и признать, что стремление охватить всё и рассказать обо всём, конечно, непродуктивно. Все равно семестр на чтение курса недостаточен, есть всего восемнадцать лекций, и больше их не сделать. Большой расчет был, и надеюсь, останется, на занятия просеминара. Но совершенно очевидно, что мы сейчас только в начале разговора, как уже отмечали коллеги. И даже если мы сегодня не придём к общетеоретическому выводу, наше обсуждение продолжится – дей-

ствительно, может быть продолжение и данного круглого стола, и публикация по его итогам.

Я хочу сказать сегодня очень коротко только о том, что, скажем так, «на земле происходит» и что можно сделать с преподаванием новейшей истории. То, что нужно менять хронологические рубежи – это совершенно *неизбежно*. По этой причине «неизбежность» и вынесена в название. Что же касается *разумности*, которая также присутствует в названии моего выступления – это призыв к размышлениям о том, что реально мы можем хотя бы попробовать сделать с нашим курсом лекций, а также с занятиями просеминара с учетом того, что нам сейчас позволит ныне действующий образовательный стандарт. Всем коллегам известно, что сейчас мы действуем в рамках системы, пока, правильно говорят, пока нам стандарт «2 + 2» это позволяет. Ещё не известно, что будет, когда будет введен стандарт «2 + 2 + 2». И как нам, вне зависимости от того, какие мы историки и «периодизаторы времени», надо будет реформировать курс в связи с требованиями Министерства образования, тоже не надо исключать эти вещи, и надо об этом нужно думать. Итак, с одной стороны, многое оказывается неизбежно, и сейчас нужно к этому готовиться и дискутировать. С другой стороны, в то же время сразу всё обсудить нельзя.

Например, сейчас мы выносим эту проблему – проблему выставления новых хронологического рубежей. Это будет касаться и учебников, и учебных пособий, затронет программы просеминара, списки рекомендованной литературы, равно как и обязательной. И это все нужно будет переделывать. Так что мы в начале пути, предстоит серьезная работа. К тому же, это касается и кадровых вещей. Каких-то лекторов, которые читают на историческом факультете, перемены коснутся в одном виде. Для тех, кто читает за его пределами, это будет выглядеть по-другому, и нам тоже нужно будет иметь это в виду. Поэтому сегодня я бы обратился к проблеме выстраивания вот этого «нового рубежа», *new frontier*, если угодно, для того, где закон-

читать условно «первую часть» новейшей истории, и даже, может, её так и не называть. Я считаю, что понятие «позднее новое время» которое предлагает Лев Сергеевич, можно использовать, или просто в целом говорить об «истории XX века».

Итак, перехожу к предложениям относительно хронологических рубежей. На мой взгляд, разумно тот семестр, который у нас традиционно составляет первую часть новейшей истории, то есть посвящен периоду от 1918 г. до окончания Второй мировой войны, дополнить новым рубежом и выставить его с тем, чтобы те, кто начинает читать вторую часть новейшей истории во втором семестре для студентов дневного и вечернего отделений, отталкивались от другого хронологического рубежа.

Встает вопрос о «сжатии» на пять-семь лекций вот этого курса (первой части новейшей истории). Из восемнадцати у нас реально сейчас семнадцать лекций, и потому, что уже 15 декабря всё заканчивается, и наступает зачетная сессия. Максимум того, что я могу сделать, это в зачётную неделю консультацию провести. Вот что можно сделать, на мой взгляд, и здесь у меня есть два варианта.

Один из них я уже более-менее продумал, но подчёркиваю, что это моя личная точка зрения. План состоит в том, чтобы выбрать вторым хронологическим рубежом, который делил бы новейшее время на две части, не 1945 г., а *рубеж шестидесятих годов*. Я бы сказал так, даже не год, один год тут не подойдёт, даже если считать с 1960 г., «года Африки». Эти даты будут очевидным образом отличаться от мировых войн, как правильно говорили предо мной коллеги, мировые войны – это естественные рубежи. Все остальные рубежи будут неизбежно несколько искусственными, ещё придется доказывать их уместность.

На мой взгляд, это даже не 1960 г., а *период 1957–1963 гг.*, он более уместен как «оконечник» для первой части новейшей истории. Почему? Потому, что в этот период подписываются Римские соглашения 1957 г., наступает «год Африки» и идет бурный распад колониальной системы; это полёт человека

в космос, это Берлинский (1961 г.) и Карибский кризисы (1962 г.), а также первый договор об ограничении ядерных испытаний (1963 г.). Сюда же попадает и конец канцлерства К. Аденауэра и много других событий, которые в эти пять лет уложатся. Я, во всяком случае, смогу студентам объяснить, почему выбран этот рубеж, а не какой-то другой.

Не буду долго рассуждать об этом, попробую представить и второй рубеж, о котором сегодня упоминал Лев Сергеевич. Я считаю, что курс, охватывающий период с 1918 г. по 1990 г. и прочитанный за зимний семестр – это будет очень искусственно, и я этого не потяну. Чтобы так структурировать события до эпохи, которую мы назвали сегодня «современной историей», уложить их в один семестр – я просто не готов. А вот *1975 год* будет сложнее выставить как рубеж с точки зрения «сжатия» курса лекций. Но тоже возможно. 1975 г., понятно, это Хельсинкские соглашения, «нефтяной взрыв» и начало структурного кризиса на Западе, это закат кейнсианства, завершение Вьетнамской войны и апогей «разрядки», и многие другие события, конечно, которые могут выступать в качестве рубежа, от которого следующее лекторы, читающие вторую часть новейшей истории, перетекающей в современную, могут успешно отталкиваться и двигаться дальше.

Оба рубежа, о которых я предлагаю задуматься, конечно, не бесспорны. Это мое предложение, уважаемые коллеги. Оно требует обдумывания. Я буду готов, если мы будем формировать нагрузку и мне оставляют этот курс, уже осенью попробовать, обсудив предварительно с коллегами в методическом ключе будущую работу просеминаров. Я думаю, что время есть и это все можно сделать.

Интеграционные процессы как критерий периодизации послевоенного времени

Обозначенные в названии моего выступления интеграционные процессы будут представлены на материалах Европы, однако не ограничиваются ею. Я хотела бы кратко остановиться на трёх уровнях заявленной проблемы – национальном, европейском и транснациональном. Коль скоро тема подразумевает в первую очередь европейский аспект, то на национальном, в данном случае – французском материале – я кратко остановлюсь. Следует отметить, что периодизация новой и новейшей истории во французской историографии ничуть не менее консервативна, чем в нашей.

Как я понимаю, в английской и немецкой литературе под *современной историей* подразумевают тот период, который ещё находится в памяти значительной части ныне живущих людей, выступающих своего рода живыми свидетелями ушедшей эпохи. Это и есть один из критериев отсчёта так называемой *современной истории* и его граница, которая может быть подвижной. Во французском же случае понятие *histoire contemporaine* чаще всего подразумевает под собой временной отрезок после революции 1789 г., то есть в целом совпадает с нашим вторым периодом нового времени. И только с 1970-х гг., с существенным запозданием, во Франции появился аналог англосаксонской *современной истории* под названием *histoire du temps présent*, то есть «истории современности», которая тоже ориентируется в качестве своего исследовательского диапазона на опыт и память ныне живущих людей.

* Наумова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сюжеты собственно европейской интеграции в современной научной французской литературе, конечно же, звучат, в частности, охотно подчеркивается вклад Франции в этот процесс. Однако некий момент этапности, значения интеграции как вехи в истории Франции практически не заявляется. Национальная история продолжает развиваться в собственной логике, вне прямой зависимости от европейского интеграционного строительства.

Теперь уровень европейский. На интеграцию можно посмотреть как этапно, так и секторально, чтобы постараться выяснить, могут ли какие-либо этапы или векторы европейского развития быть привлечены для периодизации. Я также коротко хотела бы остановиться на оценках в современной литературе места интеграции в мировом историческом процессе. Сначала я напомним основные этапы интеграционного строительства в Европе. Золотой век европейской интеграции начинается с конца 1950-х гг. и заканчивается периодом «евросклероза», связанного со структурным, экономическим, финансовым и энергетическим кризисом. С моей точки зрения, в истории европейской интеграции это очень важный рубеж.

Роман Александрович говорил о том, что можно довести периодизацию до середины 1970-х гг. Для меня ещё одним важным аргументом в пользу этого является то, что именно тогда интеграционное строительство переживало настоящий кризис – *кризис десолидаризации*, когда казалось, что Европейское экономическое сообщество вообще распадётся. Дальше идет этап «евросклероза», он заканчивается в середине 1980-х гг., и вот здесь, и это очень важно, появляется еще одна граница в истории европейской интеграции – рубеж восьмидесятых-девяностых годов, когда принимается Единый Европейский акт, а после Маастрихтских соглашений появляется Европейский союз. То есть в данном случае я вижу, и это совершенно очевидно, что этапы интеграции совпадают с определёнными периодами развития, я не скажу, что общемировой истории, но, во всяком случае, с периодами истории стран Европы и Америки, которую мы преподаем.

Теперь о том, что касается векторов интеграции. Немецкий историк Вильфрид Лот предложил модель «*четырёх двигателей*» процесса европейской интеграции; главным из них он считал обеспечение мира в Европе. Другие три – это решение германского вопроса, необходимость создания более широкого европейского рынка, а также стремление Европы самоутвердиться в биполярном мире в условиях «холодной войны». И все эти факторы, безусловно, значимые для ЕС, малопригодны для нашей проблемы, так как некоторые из них, например, проблематика мира или германский вопрос, явно шире сюжета интеграции и должны рассматриваться, скорее всего, в формате конфликта «Запад-Восток»; другие, такие как европейский рынок, напротив, слишком узки для использования в качестве некой «вехи». Наконец, названное Лотом самоутверждение Европы как самостоятельного центра силы по сей день находится под большим вопросом.

Поэтому представляется, что анализ европейской интеграции в качестве некой «вехи» в периодизации новейшей истории не должен сводиться к более частным случаям. Иными словами, скорее *сам факт европейской интеграции* и создания ЕС должен был бы претендовать на эту роль. Но делается ли это в современной историографии? Здесь мы сталкиваемся с неким парадоксом: невооружённым взглядом видна одна из ведущих черт современной европейской историографии, а именно программный европоцентризм; речь идёт о своеобразном историческом инжиниринге, о выстраивании всей предшествовавшей европейской истории исходя из телеологической перспективы возникновения ЕС.

Классическим примером в этом смысле является двадцатидвухтомная серия «Создать Европу», которая, начиная с девяностых годов, издавалась на разных языках ведущими европейскими издательствами, ее авторы – Жак Ле Гофф, Питер Бёрк, Умберто Эко, Рене Ремон, – как раз и занимались выстраиванием некой общеевропейской исторической судьбы. Сейчас «ев-

ропеизируется» всё и вся, характерным приемом при этом выступает регионализация; и если известный принцип гласит о том, что нужно разделять, чтобы властвовать, то здесь «регионализировать», чтобы «европеизировать». Этот приём позволяет выставить за скобки национальное государство. Типичный пример – это промышленный переворот в XIX в.: когда заявляется, что он происходил не во Франции, а в Лилле и Нанте, не в Англии, а в Ланкашире и Йоркшире, то возможной становится постановка вопроса о «европейском промышленном перевороте», подобный подход наблюдается и при изучении «европейской революции» 1848 г.

И тут я возвращаюсь к упомянутому мною парадоксу: казалось бы, можно было ожидать, что при подобном «ультраевропоцентризме» роль европейской интеграции в мировой истории должна была бы определяться как весьма ощутимая. Но когда перспектива меняется с европейской на мировую и когда речь заходит о месте европейской интеграции в мировом историческом процессе, в оценке историков наблюдается удивительная скромность: в качестве особо значимой или тем более определяющей вехи европейская интеграция практически не фигурирует, в лучшем случае она попадает в общий перечень наряду с деколонизацией, окончанием «холодной войны» и распадом Восточного блока.

И здесь я подхожу к следующему, третьему, «транснациональному» уровню той проблемы, которая заявлена в названии моего доклада. Известно, что характерной чертой современной мировой историографии является неудовлетворенность европоцентристским видением, присущим традиционной всеобщей истории с одной стороны, и своего рода антиевропоцентризмом исследований в духе постколониализма, с другой. В результате идёт постоянный поиск так называемой глобальной, или транснациональной истории, что, конечно, также связано с вызовами глобализации. Глобальная история не отрицает уникальности локального, но вместе с тем нацелена на выявление в нём универсальных черт.

При этом глобальная, или транснациональная история понимает себя как своеобразную альтернативу традиционной национальной; с этой точки зрения и упоминавшийся мной европоцентризм в современной европейской историографии может выглядеть несколько старомодным, поскольку находится в некотором противоречии с этим глобальным подходом. Однако главный вопрос заключается в другом: пытаясь сейчас поновому определить этапы и вехи истории XX–XXI веков, мы, очевидно, должны иметь в виду именно эту глобальную перспективу. Соответственно, в первую очередь внимание привлекает всё то, что безусловно имеет транснациональный масштаб, например, отмечавшиеся Львом Сергеевичем информационное общество, цифровая экономика и международный терроризм. Очень бы не хотелось, но всё идёт именно к тому, что в этот перечень добавится ещё и новая глобальная ситуация, связанная с эпидемией коронавируса. Но можем ли мы включить в него также интеграцию? В первую очередь, соответствует ли она этой современной транснациональной перспективе?

Думается, что в целом – да. Причём именно в этой перспективе важно то обстоятельство, что интеграционные процессы идут по всему миру. Это не только ЕС – это и НАФТА, и АТЭС, и МЕРКОСУР, и то, что сейчас происходит на постсоветском пространстве. С этой точки зрения, европейские исследователи вполне правомерно не придают созданию ЕС значения некоего исторического рубежа с универсальной значимостью. Хотя и заявить, что создание Евросоюза – это лишь часть повсеместно идущих процессов интеграции, не очень получается, потому что слишком специфические качества наблюдаются у этой модели интеграции: и то, что существует наднациональность, которая расширяется; и то, что этот комплекс просуществовал уже 70 лет; и то, что в нём нет очевидного, во всяком случае *de jure*, лидера, хотя сейчас, в последние годы на первый план резко выдвинулась Германия. И то, что главной целью этого комплекса является строительство Евросоюза, и даже неудачная попытка в 2005 г. принять Евроконституцию.

Вообще, применительно к интеграционным процессам как к некому маркеру современной истории надо подходить с определёнными оговорками. В глобальном масштабе интеграция очень разная и с точки зрения характера процессов, и с точки зрения степени интегрированности различных областей общественной жизни, и с точки зрения влияния на функционирование интеграционных полей различных внешних и внутренних политических факторов. К тому же, у интеграции существует противоположная тенденция – дезинтеграция, как, например, показал опыт «Брексита». И, тем не менее, мой ответ на возможность выделения интеграционных процессов в качестве некоего критерия современной истории, причём в существующей транснациональной перспективе, – это «да», ибо ни в одну другую эпоху не было ничего подобного.

Последнее, что я хотела бы сказать: конечно, остается практическая проблема – коль скоро речь идёт о периодизации, нужно привязать эти процессы к определённому времени. И здесь, безусловно, выделяется рубеж 1980–1990-х гг., ибо именно в это время интеграция охватывает всё новые регионы мира: в Европе появляется Евросоюз, в Америке подписывается Североамериканское соглашение о зоне свободной торговли НАФТА, в 1991 г. создан МЕРКОСУР, а в 1989 г. учреждается Азиатско-тихоокеанское экономическое сообщество – АТЭС. Наконец, развиваются, как я уже говорила, интеграционные процессы на постсоветском пространстве, и в итоге, правда, только в 2015 г. появляется Евразийский экономический союз.

Именно на рубеже восьмидесятых – девяностых годов происходит, если говорить о Евросоюзе, серьёзное углубление и расширение интеграции под влиянием как масштабно развернувшихся процессов глобализации, так и кардинальных перемен в расстановке сил на международной и европейской арене: исчезновение социалистической системы и Советского Союза неизбежно приводит к развороту бывших социалистических государств в сторону Евросоюза, а его самого заставля-

ет как можно быстрее заполнить тот вакуум силы, который возникает в Европе.

Хочу сказать еще пару слов по поводу периодизации. Я считаю, что если мы будем делить курсы (а я сама читаю курс новейшей истории), то здесь может быть две границы. С моей точки зрения, первая из них – это середина 1970-х гг., потому что в этот момент происходят очень важные события: и поворот Восточной политики ФРГ, и принятие Хельсинкского соглашения, и апогей «разрядки», и, в это же время, очевидный нарастающий интерес США и Советского Союза к Ближнему Востоку, куда они начинают активно вмешиваться, иногда не считаясь с европейскими странами. Ну и, конечно, самым правильным было бы в качестве второй границы выделить рубеж 1980–1990-х гг., но тогда мы заставляем Романа Александровича анализировать огромное количество важных проблем в течение дополнительных четырех послевоенных десятилетий. *Современная история* в европейском смысле этого слова начинается с начала 1990-х гг. Как это правильнее отразить, я, откровенно говоря, не знаю, но делать из двадцати лет межвоенной истории сразу шестьдесят-семьдесят, наверное, тоже невозможно.

Дополнительная литература к выступлению:

1. *Ecrire l'histoire du temps présent*. Paris, 1993.
2. *Bédarida F.* Le temps présent et l'historiographie contemporaine // *Vingtième siècle*. 2001. № 69 (janvier-mars 2001).
3. *Prost A.* L'histoire du temps présent: une histoire comme les autres // *Bilan et perspectives de l'histoire immédiate, Cahiers d'histoire immédiate*, № 30–31 (automne 2006 / printemps 2007).
4. *Garcia P.* Histoire du Temps present // C. Delacroix, F. Dosse, P. Garcia et N. Offentadt (dir.) *Historiographies: concepts et débats*, 2 tomes, Paris, Gallimard, Folio-histoire, 2010.
5. *Lagrou P.* De l'histoire du temps présent à l'histoire des autres. Comment une discipline critique devint complaisante // *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 2013/2. № 118.
6. *Loth W.* *Building Europe. A History of European Unification*. Berlin: De Gruyter Oldenbourg, 2015.

Берлин, ноябрь 1918 – Берлин, ноябрь 1989: краткий прошедший век

Изначально я претендовал на реплику, однако выяснилось, что реплика – не тот жанр, который здесь ждут, значит у меня будет своеобразная «разросшаяся» реплика. Реплика эта была спровоцирована изначальным названием круглого стола: «Долгий XX век». Начинаю сразу вспоминать, как в 1989 г., когда пала Берлинская стена, я в какой-то момент подумал: «а ведь двадцатый век-то кончился!». Вспомнил про это свое ощущение я спустя несколько десятилетий, когда посмотрел назад.

Начнём мы, как нас всё-таки правильно ориентировал Велихан Салманханович, с XIX в. Тот век, споров нет, был долгим – с 1789 г. до 1918 г. Названий к этому веку можно применить много, и сегодня было применено множество. Лев Сергеевич писал о веке «угля и стали», но сюда ещё можно добавить одно определение: если XVIII в. был «веком Просвещения», то XIX в. был *веком позитивизма*, когда люди стремились к прекрасному будущему. От позитивизма отделился марксизм, а он уже твердо обещал, что «золотой век» впереди, но о марксизме я буду говорить чуть позже.

Но есть и ещё одна характеристика XIX в., о которой сегодня сказано не было: это был первый, и вероятно единственный, *век Европы*. Потому что век начинается, когда Европа в мировом масштабе уже играет довольно заметную роль, но не доминирует; а завершается Первой мировой войной, когда великие державы ведут борьбу в Европе за господство на континенте, и одновременно – за господство в мире. В тот момент это практически является знаком равенства. Отмечу тем не менее: для

* Истратов Василий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

завершения Первой мировой война тогда потребовалось вмешательство новой силы, то есть Соединённых Штатов Америки, которые в это время – сила всё-таки внерегиональная. Её появление в судьбах Европы – это уже один из триггеров начала следующего века – двадцатого.

Если смотреть на XX в., можно выдвигать разные идеи о том, что же является его сутью. С моей точки зрения, ключевым признаком является то, что это был век, когда существовала *альтернатива развитию капитализма*, которая присутствует в рамках в таком случае «короткого двадцатого века» не как теоретическая альтернатива, а как альтернатива практическая.

Сразу возникает вопрос: почему я предлагаю отсчитывать XX в. не с 1917 года? Потому, что 1917 г. – это важнейшее, но всё же локальное событие, касающееся бывшей Российской империи. Почему же я выбрал 1918 год? В названии моего доклада «Берлин, 1918–1989» ноябрь 1918 г. в Берлине и в целом в Германии – это первый акт, а может, и первая сцена первого акта несостоявшейся *мировой революции*. То есть, это момент, когда революция из России могла перейти, но не перешла в революцию в Германии, а из Германии не перешла никуда дальше.

Конечно, этот процесс в тот момент не очень чётко осознавался. Здесь можно вспомнить заседания Политбюро в июле 1923 г., когда рассматривался вопрос, как организовать революцию в Германии. Небольшой пересказ: выступает Г.В. Чичерин, за ним выступает И.В. Сталин, за ним Л.Д. Троцкий, К.Б. Радек и другие. Интересна позиция Чичерина на данном мероприятии: он нарком, но не входит ни в политбюро, ни в ЦК, то есть он как рядовой член партии был обязан выполнять те решения, которые будут приняты на данном заседании, на котором его функция проста – он эксперт. Что там предлагают? Конечно, выделять деньги: сотни тысяч золотых марок уже переброшены по линии Красного интернационала профсоюзов. Обсуждается вопрос о том, сколько военных советников направить, чтобы зажечь в Германии огонь Мировой Революции. Ну и ещё: обсу-

ждается вопрос, что для успеха революции в Германии нужно в течение нескольких месяцев решить вопрос о присоединении стран, расположенных рядом с Германией, речь идёт о Латвии и Литве – чтобы через них перебросить Красную армию на помощь Германской революции. Позиция Сталина состояла в тот момент в том, что, если революция в Германии захлебнётся – «нам всем крышка».

Но всё же, несмотря на неудачу проекта Мировой Революции в первоначальном варианте, Советский Союз сложился или, по крайней мере, воспринимался не как теоретическая, а как практическая альтернатива капитализму, альтернатива, которая существовала долгое время.

Главные моменты, которые нельзя игнорировать с середины XX века – это послевоенное развитие, расширение территории «социалистической альтернативы» в Европе и, главное, – в Азии, где появляется другой центр этой альтернативы – КНР. Китайскую Народную Республику надо рассматривать как часть процесса формирования альтернативы капитализму. Мы на протяжении длительного периода, по традиции, заложенной во времена позднего Советского Союза, воспринимали это как два разных варианта развития коммунистической идеи – Советский Союз и Китайская Народная Республика действительно действуют самостоятельно и даже в какой-то период находятся в состоянии, близком к масштабному конфликту, ожидают этого конфликта. Но их развитие – лишь часть одного и того же процесса.

Чем же это вся эта альтернатива капитализму кончается, и с какого момента? Слушая приведенные выше рубежные точки, я должен сказать о конечном эпизоде, с моей точки зрения, XX в. – о 1989 годе.

Почему 1989 г.? Почему не 1990, не 1991 годы? Во-первых, это красиво: период как начался, так и закончился в Берлине сменой власти в ГДР и падением Берлинской стены. Ну а, если всерьез, то 1989 г. коммунистическая альтернатива капитализму действительно «приказывает долго жить». Прежде всего это па-

дение социалистических режимов, в 1989 г. от Польши в начале года, до Румынии в декабре. Все эти страны быстро и решительно «переходят на другие рельсы». Поскольку Германия, а точнее Берлин, в годы «холодной войны» находится «на острие», он бросается в глаза больше, чем в других случаях.

А завершается крушение социалистической системы Мальтой: в ходе встречи Горбачёва и Дж. Буша-старшего на Мальте заявляется, что «холодная война» окончена, что всё завершено, марксизма далее не существует. В это же время член Политбюро Александр Николаевич Яковлев публикует в «Правде» статью, в которой доказывает, что марксизм-ленинизм – это не про классовую борьбу, а про «защиту интересов человечества в целом». С этого момента мы видим окончательный отказ от всего, что было до этого придумано.

И ещё одну вещь, важнейшую, я хочу подчеркнуть: не надо говорить о «холодной войне», как о противостоянии СССР и США, Варшавского договора и блока НАТО. Надо говорить о *двух вариантах* развития человечества, которые необязательно должны были быть сконцентрированы вокруг одного или другого государства. Эта альтернативность касалась не одной или другой страны, даже не группы стран, речь шла о мире в целом.

Приведу ещё два дополнительных примера: в том же 1989 г. я находился в США, и мой начальник по стажировке, бывший ЦРУшник, поехал в тогда ещё существовавшую Югославию на международную конференцию; вернулся оттуда воодушевленный. Среди его рассказов был рассказ о том, как приехали туда некоторые представители ЦК КПСС, которые говорили об общих ценностях и необходимости строительства «единого пространства безопасности» – в общем, высказывали некие позднеперестроечные идеи. Вскочила некая зеленоглазая, рыжая ирландка, и закричала: «Вы не имеете права прекращать тот эксперимент, который Вы начали в 1917 году!».

В дополнении к этому, приведу ещё один пример. Есть у нас коллега на ИСАА, специалист по Японии, Виктор Петрович

Мазурик. Однажды я слышал, как он сказал, что он где-то в середине 1990-х гг. общался с одним японцем, крупным исследователем XVI века в Японии. Когда зашла речь о крахе СССР, тот сказал: «как вы могли! Пока вы были – мы верили...».

Итак, противоборство времён «холодной войны» – это не столько глобальное противопоставление двух государств, двух военных механизмов – сколько глобальное противостояние противостоящих друг другу и отрицающих друг друга систем, которое достаточно быстро сходит на нет, буквально при жизни двух – трёх поколений.

Теперь возвращаемся к тому, о чем грустно говорил Роман Александрович. Когда мы рассматриваем XX в. под углом появления, существования и исчезновения альтернативы тому капитализму, который начинает формироваться еще в XIX в., а может, даже раньше, то есть нюансы. Начало 1960-х гг. – это внутренний раскол системы, которая формировала социализм (я имею ввиду раскол между КПСС и КПК). А 1970-е годы – это период, когда в Советском Союзе происходит реальный перелом. Он произошел и между двумя внешними политиками, которые существовали на протяжении всей истории СССР, одна из них, так сказать «внешняя» внешняя политика, политика НКВД, в формировании которой участвовали Чичерин и Литвинов, а другая – это та внешняя политика, которая была ориентирована на мировую революцию. Первоначально за мировую революцию отвечал Зиновьев, он – член Политбюро. За официальную внешнюю политику – Чичерин, он даже в ЦК не входил. А в 1973 г. представитель этой официальной, «внешней» внешней политики, Андрей Андреевич Громыко, становится членом Политбюро, то есть он становится собственным начальником, формирующим по партийной, то есть главной для СССР линии внешнюю политику страны. Это тоже своего рода рубеж.

В принципе, когда для СССР 1960–1970-х гг. одним из главных врагов становится Китай, мы говорим о том, что борьба двух систем сильно трансформировалась, с ней вместе транс-

формируется и коммунистическая альтернатива. Поэтому можно говорить, что, по большому счету, с начала 1970-х гг. её, этой альтернативы, уже не существует. А после падения КПСС никто это знамя не подхватил, тут я говорю и о КПК тоже.

Дополнительная литература к выступлению:

1. Запись обсуждения вопроса «О международном положении на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 июля 1923 г. URL: http://grachev62.narod.ru/stalin/t17/t17_398.htm (дата обращения: 01.02.2023).
2. Москва-Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941 / под ред. Г.Н. Севостьянова. В 3-х т. Т. I: 1920–1926. М.: Наука, 2011.
3. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 гг.: Документы / отв. ред. Г.М. Адибеков. М.: РОССПЭН, 2004.

Вопросы докладчикам и вторая дискуссия

Рогулев Ю.Н. Коллеги! Мы переходим к вопросам и обсуждениям! Пожалуйста, вопросы.

Соловьев С.А. У меня ко всем трем докладчикам сразу один и тот же вопрос, хотя в меньшей мере к Наталье Николаевне, потому что она всё-таки сделала какие-то свои установки, в большей мере к Роману Александровичу и к Василию Николаевичу. Вторая часть нашего сегодняшнего круглого стола называется «критерии периодизации новейшей истории в историографии и практике преподавания». Оставим пока в покое практику преподавания, о ней я ещё выскажусь подробно в другой дискуссии. Что касается критериев, у меня ко всем трем нашим докладчикам вопрос: какими Вам представляются *критерии* для периодизации? Что бы Вы выделили?

Сетов Р.А. Вопрос уже был поставлен в тех материалах, которые нам рассылали – вопрос о смешанных критериях. Конечно, он дискуссионный, не случайно Вы его опять поднимаете. Я бы свёл его к двум простейшим вещам: общее, без особенного, *положение ведущих западных стран*, коль скоро это наша епархия, и *состояние международных отношений*. Вот эти два критерия, на мой взгляд, главные. И в этом смысле их можно применять и к рубежу 1960-х, о котором я говорил, и к середине 1970-х, ещё можно смерть Мао Цзэдуна вспомнить; и отнести туда же, и в равной степени к рубежу 1980-х – 1990-х гг.

Наумова Н.Н. Я в чём-то соглашусь с Романом Александровичем. Я тоже считаю, что это события внешней политики. Я бы даже, как «старый» консерватор, использовала такое словосочетание как «*формационный подход*», потому что на рубеже 1980–1990-х гг. всё переплелось в один узел. Это и распад Советского Союза, и ликвидация биполярной системы международных отношений; меняются взаимоотношения на международной арене и внутри одной из крупнейших стран Европы – Советского Союза, потом Российской Федерации – той страны, с которой

невозможно не считаться. Но мне кажется, что мы не можем так легко определиться даже с рубежом 1980–1990-х гг., потому что середина 1970-х, с моей точки зрения, – это тоже очень важный момент.

Лев Сергеевич пишет о смене неолиберальной на неоконсервативную экономическую модель, но я скажу по-простому, как пишут французы: идёт переход от неокейнсианской модели к неолиберальной политической модели. Это очень важный момент, для меня, например, середина 1970-х и рубеж 1980–1990-х – тот период, где можно остановиться, но найти одни и те же критерии не удастся. Вот в чём проблема: нет одних и тех же критериев, потому что в одном случае – это экономический критерий, в другом, формационный или внешнеполитический, поэтому, наверное, нам всё-таки придётся немного «притягивать за уши». Зато, с моей точки зрения, совершенно очевидно, что рубеж 1980–1990-х гг. – это конец того, что называется «новейшей историей»; здесь начинается *современная история*.

Истартов В.Н. Сергей Александрович, в принципе, я про основную критерий сказал, что он, с моей точки зрения, касается не периодизации курса, а он касается периодизации временного отрезка с 1900 по 2000 гг. В рамках этого периода я выделяю на основании главного, с моей точки зрения, критерия в развитии мира, в данном случае – это появление реальной альтернативы, её существование и достаточно бесславный её конец.

Не успел сказать ещё одну вещь: в XXI веке Китайская Народная Республика во главе с КПК, являясь в значительной степени соперником Соединенных Штатов, ни в коей мере *не пытается представить альтернативу развитию капитализма*. Она выступает по тем же правилам, как и все, и китайский путь развития, вроде бы, некапиталистический, африканским странам КНР не навязывает.

Роголев Ю.Н. Велихан Салманханович, Вы в своем докладе упоминали, что всемирная история «нарезке» не поддается, «нарезке» на эти поворотные точки, о которых мы сейчас го-

ворим; но нужна «тонкая настройка», «тонкая периодизация». Вы хотите что-то сказать в ответ на эти вопросы?

Мирзеханов В.С. Дело в том, что, когда я говорил о «тонких периодизациях», что любое стандартное деление на *новейшую историю, новую, раннее новое время* – это очень грубое деление. Оно может быть удобно нам для учебного процесса, но в исследованиях периодизация не работает, ибо мы понимаем, что мы сейчас рассуждаем сугубо в поле политической истории, где-то – истории международных отношений. Но главные ли это поля исторических исследований – вот в чём вопрос. Конечно, нет. Да, упоминалась экономика, но как же социальная история? Посмотрите, какие колоссальные изменения произошли за XIX–XX вв. Поэтому, мне кажется, что в самых разных исследовательских полях могут быть разные периодизации.

Я не случайно приводил пример той же индустриализации. Что касается нашей интерпретации, мы до сих пор даже XIX в. не воспринимаем как прошедший, иной век, как отчужденное прошлое. Совершенно очевидно, что степень преемственности XIX, XX и XXI веков очень велика, хотя базовые парадигмы и меняются. Здесь можно сказать, что мы должны учитывать самые разные исследовательские поля, когда выстраиваем периодизацию. Если мы будем идти только от истории национальных государств, или только от истории политической, то, конечно, это будет условная, грубая периодизация.

Ватлин А.Ю. У меня возникло два принципиальных вопроса, хотя есть и мелкие. Давайте начну с мелкого вопроса Роману Александровичу. Как раз между двумя периодами попадает 1968 г. Не является ли 1968 г. одновременно революционным, символическим, «народным» и, в какой-то степени «внешнеполитическим», если говорить о вьетнамской войне, и символическим, если говорить о высадке на Луну. Соображение, которое из этого вырастает: мне жалко первую половину этого периода, он такой славный, но, если добавлять к нему что-то, то получится то самое масло, которым можно «испортить кашу».

Поскольку мы сегодня получили установку на провокационный разговор, почему-то мы всё время пытаемся делить новейшую или современную историю на две части. На мой взгляд, она нарастает, мне кажется, наряду с двумя явными этапами, здесь как раз очень хорошо ложится презентация Василия Николаевича, потому что первый этап – это этап «русских мечтателей», какие-то химеры строят в Политбюро и за его пределами, а вот после 1945 г. это всё вдруг становится реальностью. Здесь два очень четких периода, которые ложатся в «короткий век», но, мне кажется, принципиально новый этап возникает с 1970–1980-х гг.

Это вызывает вопрос о преподавании: у нас реально три периода, теперь начинаю понимать, почему Лев Сергеевич говорит: «давайте три тома писать» – это ужасает, но мысль мне понятна. И последний вопрос, связанный с выступлением Натальи Николаевны. Она сказала очень важную вещь о *подвижности границ*. Мы говорим о критериях, но эта подвижность во многом определяется нашим сегодняшним взглядом: что-то будет после COVID19, что-то после капитализма и так далее, но наш сегодняшний взгляд структурирует прошлое, и достаточно далеко.

Наумова Н.Н. Я хочу сказать Александру Юрьевичу вот что: что мы обсуждаем, как делить историю XX–XXI веков, или как делить курсы? Потому что смотрите, как ловко получилось всё у кафедры истории России XX века: они взяли один семестр до 1945 г., другой – до 1991 г., третий – с 1991 г. Мы должны понять, учитывая, что нам навязывают образовательные стандарты «2+2+2», «3+3+6», и так далее, будет ли у нас возможность иметь то количество часов на новейшую историю, которое сейчас есть. Если нам сократят и эти часы, то наши сегодняшние дискуссии, если они не теоретического, а практического плана, они, фактически, не имеют никакого смысла. Потому что, если бы нам дали ещё полсеместра, можно было бы до 1970-х годов довести: с 1945 по 1975 гг., а потом сделать большой период. Я просто не очень понимаю, как это всё будет осуществляться

на практике, потому что мы можем обсуждать что угодно, но мы все упираемся в то, что нам скажет наш деканат.

Истратов В.Н. Деканат тут ни при чем, это всё идет выше, даже не из министерства. Да, действительно, мы сейчас находимся в ситуации, когда мы не знаем, сколько лет нам осталось читать тот курс новейшей истории, который у нас есть, да еще и в пределах тех часов, которые мы имеем сейчас. Возвращаясь к периодизации, действительно история для нас уже состоит из трёх периодов, и мы с этим ничего не можем сделать, как их уложить в курс из двух семестров – непонятно.

Ватлин А.Ю. У меня скорее взгляд исторического оптимиста. Делить можно по-всякому, но вот вопрос, который поставила Наталья Николаевна, важен: я считаю, что мы все должны идти от нашего уважения к прошлому, от нашего понимания прошлого, а все эти принимающие решения структуры... они приложатся. Конечно, можно и два года попросить, а можно и одним семестром обойтись, но, например, в «Вышке» есть средний вариант – trimestры. В этом плане трёхчастное деление новейшей или современной истории у них прекрасно ляжет. Вопрос в том, что мы спрашиваем у прошлого и как мы это прошлое транслируем. Мне кажется, очевидно, что у нас рисуется третий сюжет, *третий период*, и вот с ним что-то надо делать.

Сетов Р.А. Коллеги, я сразу хочу ответить на большой вопрос. Я думаю, что три периода внутри периодизации, которые явно вырисовываются, это бесспорно. Нужно говорить и даже идти по пути, который косвенно предложил Лев Сергеевич: писать учебник из трёх частей, новый комплекс учебников, равно как и все учебно-методические материалы, о внутреннем делении в будущем тоже можно договориться. Конечно, наши научные, академичные рассуждения о неравномерности времени, о динамике мира в XX–XXI веках можно сколько угодно продолжать, но никто с нас не снимает ответственности за то, как мы всё это будем преподавать студентам. Я считаю, что это две разные проблемы. Действительно, нужно продолжать думать

о том, в какое количество семестров можно уложить новейшую историю.

Теперь обратимся к 1968–1969 гг. Их с таким же успехом можно, как рубеж 1960-х, привязывать и к революции европейского студенчества, и человеку на Луне, и к избранию Р. Никсона, и к тысячам смертей за месяц во Вьетнаме. 1969 год важен и тем, что тогда договор о нераспространении ядерного оружия вступает в силу, начинается крах Бреттон-Вудской системы, и так далее. Но он будет таким же рубежом, как 1960 год – не бесспорным. Моя точка зрения такова: пусть будет середина 1970-х как платформа для того, чтобы начинать первые две лекции, это «подход» к современной истории; далее в эту самую современную историю мы включаем конец 1970–1980-е, потом уже рубеж 1980–1990-х, «крах социалистической альтернативы» и всё прочее. Быстро ли можно перейти на такую систему, я пока не знаю.

Бородаев В.А. В новом формате очевидны три рубежа, я об этом говорил ещё в 2005 г, когда были «Ломоносовские чтения». Тогда я высказал идею о том, что необходим третий период новейшей истории. Сейчас мы со всей очевидностью понимаем, что тот курс, который у нас расширяется каждый год, приобретает фантастический объём, а время, которое на него отводится, остается прежним; и, конечно, здесь налицо явное несоответствие. Я бы предложил не отходить от старой школы, отталкиваться от консервативных позиций.

Так, первый период – 1918–1945 гг., здесь у нас уже есть обоснования в предыдущих учебниках и наших работах; второй период, я бы всё-таки считал с 1945 года до кризисов 1970–1980-х гг. – это и кризис постиндустриального общества, структурный, энергетический кризис и после них сразу начинаются политические кризисы: собственно, они возникают даже несколько раньше, потому что, если брать Польшу, то «Солидарность» там появляется уже в 1980 г. Можно говорить, что в этот период кризисов вписывается и начало кризиса социалистиче-

ской системы в Восточной Европе. Поэтому очевидно, что, как минимум, можно считать следующим рубежом распад Советского Союза и конец «холодной войны», а может быть наоборот, «конец холодной войны» ещё при существовании Советского Союза, но учитывая распад его после этого. Этот рубеж приходится на конец 1980-х начало 1990-х гг.

ЧАСТЬ III
ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ
НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИОГРАФИЯХ:
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

*Ватлин А.Ю.**

Рубежи современной истории
в трактовках германской историографии

Идея нашего круглого стола родилась из проекта, который был посвящён достаточно скучной теме, а именно – формированию магистерской программы по историографии. Этот курс я традиционно начинаю с того, что предлагаю самим студентам провести линии периодизации, предположить, где они видят начало *современной истории*. Меня удивляет, как быстро у студентов меняется ощущение времени, насколько большую роль играет их собственный жизненный опыт – для них это живая, *подвижная история*. Мне кажется, и в преподавании курса, и при написании учебных пособий к нему мы должны это постоянно учитывать.

Велихан Салманханович говорил о *современной истории* как об истории XIX–XX вв. Я буду определять ее вслед за немецкой

* *Ватлин Александр Юрьевич* – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

традицией, как прошлое, которое так или иначе связано с опытом ныне живущих поколений. При этом нужно учитывать, что у каждой страны есть свои «скелеты в шкафу», есть свои герои и есть свои трагедии, т.е. имеются ключевые даты, которые формируют точки опоры в понимании картины прошлого. Для французов это 1789 г., точно так же, как для нас, россиян, был и остаётся, и будет всегда, 1917 г. У немцев тоже есть такая дата, и это 1945 г.

В отличие от всех предыдущих трансформаций, это действительно «точка ноль», когда германская история начинает свой ход буквально по-новому. И для немцев именно 1945 г. надолго останется точкой отсчёта современной истории. Об этом говорил историк Фридрих Майнеке, когда в первый послевоенный год писал «Германскую катастрофу». С его точки зрения (и вопреки распространенной трактовке), Гитлер и его режим возникли не на пустом месте – его породила политическая близорукость веймарской элиты, которая не смогла противопоставить сторонникам реванша осмысленную программу примирения страны с окружающим миром.

На эту тему размышляет и современная немецкая историография, давая такую оценку 1945 г.: «В отличие от 1918–1919 гг. не могло быть ни малейшего сомнения в военном поражении и окончательности капитуляции, и потому на этот раз практически не оставалось места для мифов вроде тезиса об «ударе ножом в спину» или серьезных сомнений в ответственности немцев за катастрофу. К этому добавлялся и перелом в социальной истории: с утратой восточных территорий (и земельной реформой в советской оккупационной зоне) прекратили свое существование и политически влиятельные крупные землевладельцы в «Остэльбии». Таким образом, в отличие от 1918–1919 годов, исчезло важное препятствие на пути к демократическому гражданскому обществу, на который и встала Западная Германия»¹.

¹ Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nemeczkaya-katastrofa-o-publichnoj-pamyati-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-germanii.html> (дата обращения: 01.09.2021).

Разбирая немецкий опыт, следует обратить внимание на *проблему критерия*. У немцев есть конкретный, утилитарный критерий – *Sonderweg*, то есть проблема *особого пути Германии*. В 1945 г. идея «особого пути» заканчивается для западной части страны, но сохраняется для восточной, где появляется ГДР со своей спецификой «реального социализма». Представления о «завершении зондервега» приводят не только к историческим дискуссиям, но и к институциональным изменениям в исторической науке ФРГ.

После 1945 года в рамках политики «перевоспитания», *reeducation*, в рамках нового понимания истории создаётся Мюнхенский институт, который должен был первоначально называться Институтом по изучению национал-социализма. В результате он всё-таки стал называться, и называется сейчас Институтом современной истории (*Institut für Zeitgeschichte, IfZ*), ныне это огромный исследовательский центр с мировым именем. Первый номер институтского журнала в 1953 г. открывала статья Ганса Ротфельса (1891–1976), немецкого историка, который справедливо отмечал, что понятие «современной истории» содержит противоречие в самом себе. «История – это есть прошлое, которое не может быть современным: то, что изменяется сейчас, ещё не созрело для того, чтобы стать историей»¹.

В то же время живое соучастие в происходящем, по мнению Ротфельса, открывало пути его познания, недоступные историкам, изучающим более древние периоды. Для него рубеж современности начинался в 1917–1918 гг., и его олицетворяли два события: выход из Первой мировой войны России и вступление в нее США. «Последующие десятилетия сформировали треугольник, на полюсах которого находились демократия, фашизм и коммунизм, и который после 1945 г. трансформировал-

¹ *Rothfels H. Zeitgeschichte als Aufgabe // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1953. H. 1. S. 1–8.*

ся в биполярную систему»¹. Для нас важно, что в качестве современной истории историк брал период длительностью в 30–35 лет, вплотную примыкавший к сегодняшнему дню.

И здесь возникает очень важный сюжет, связанный с *подвижностью современной истории*. Это живая история, она еще не «остыла» и не приобрела законченных форм, поскольку живо то поколение, которое ее творило и продолжает творить. В этой связи хотелось бы вспомнить прекрасную книгу А.М. Шлезингера – младшего (1917–2007) «Циклы Американской истории», в которой автор вслед за А. де Токвилем обосновывает тезис о том, что каждое поколение пишет свою историю, и каждое поколение в Америке (да и не только там) – это в некоторой степени уже «новый народ». Развивая идею «подвижной границы», послевоенная западногерманская историография сдвинула *границу современности* вначале от 1918 к 1945 году, а затем и к рубежу 1960–70-х гг., имея в виду и «новую восточную политику» (*Neue Ostpolitik*) Вилли Брандта, и волну студенческих протестов, которые наиболее бурно протекали в Западном Берлине.

На рубеже прошлого и нынешнего века появилась новая трактовка рубежа современной истории – речь идет об окончании «холодной войны» и воссоединении Германии, которая (теперь уже вместе с бывшей ГДР) завершила свой «долгий путь на Запад». Именно так называется двухтомник одного из самых известных историков ФРГ Генриха Августа Винклера.

В нем логика германской истории, начиная с XIX в., выглядит как череда попыток прогрессивной части политической элиты страны «достучаться» до своих западных единомышленников. Вехами здесь являются и 1848 год, и образование социал-демократии, и революция 1918 г., и духовная переориентация после краха нацизма. И если Западная Германия добралась

¹ Rothfels H. Zeitgeschichte als Aufgabe // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1953. Н. 1. S. 7.

до цели, будучи объектом перевоспитания союзников, то граждане ГДР сорок лет спустя воспользовались «окном возможностей», которое открыла перестройка в СССР. Подход Винклера перекликается с тезисом Ф. Фукуямы о «конце истории» – Запад достиг его, потому что в него бесповоротно интегрировалась объединенная Германия.

Интересно, что на рубеже 1990-х гг. на территории бывшей ГДР был создан другой центр по изучению современной истории – *Leibniz-Zentrum für Zeithistorische Forschung* в Потсдаме. На первых порах в нем нашли прибежище молодые историки из Восточной Германии. В процессе воссоединения страны их не просто отвергли как «недоделанных марксистов», им дали возможность продолжить свою научную работу. В результате получилась интересная и полезная конкуренция двух центров исторических исследований – Мюнхена и Потсдама.

Потсдамский центр заявил о своих претензиях на приоритет в изучении той части *современной истории*, которая началась на рубеже 1970-х годов, сделав содержательный акцент на событиях «бархатной революции» в ГДР и последующего «срастания» двух частей Германии. Его исследовательскую работу активно «подпитывала» система политического образования, которая пришла в новые федеральные земли из ФРГ. Это не позволило перечеркнуть опыт ГДР, хотя для некоторых западногерманских ученых социализм на немецкой земле оказывался не более чем «запятой» на скрижалях всемирной истории¹.

При всей оппозиционности двух трактовок рубежа современной истории каждая из них исходит из *плавающих границы* современности, которую «мы никогда не сможем зафиксировать до конца, так как она завязана на наш собственный опыт». Далее начинается противостояние, если хотите, «германофилов» и «западников». Последние, т.е. сторонники «долгого пу-

¹ См. многолетнюю дискуссию на страницах берлинского Ежегодника исследований коммунизма (*Jahrbuch für historische Kommunismusforschung*).

ти», отказываются искать в чужой для себя истории, то есть в истории Советского Союза или в истории ГДР, границу современности.

«Западники» предпочитают говорить о бессобытийности этого рубежа, указывая на следующие характеристики современной истории Запада: во-первых, преодолены психологические последствия войны и произошла стабилизация системы международных отношений; во-вторых, критических показателей достигло падение рождаемости, в-третьих, идет процесс деиндустриализации, формирование *общества риска*, в котором доминируют индивидуалисты и интроверты.

Получается, что современную историю, как ее видят «западники», характеризует растущая *самоизоляция* Европы, ограниченной рамками ЕС. Как показано в книге современного философа Михаила Маяцкого, политическая Европа становится «курортом», который всячески (через правых популистов, и не только) пытается отграничить себя от остального мира, сохранить, если вспомнить Г. Уэллса, «чудесный мир очаровательных людей, отправивших морлоков под землю». В таком «новом дивном мире» теряет свое значение дихотомия «правые – левые», идет дискредитации идеи *третьего пути*, наступательный интернационализм «шестидесятников» заменяется *инклюзивным мультикультурализмом*.

Модернизируя подход «западников», профессор Тюбингенского университета А. Дёринг-Мантойфель отказывается говорить о конкретных датах, определяющих рубеж современности. Он выдвигает идею «*дуг времени*», то есть точек пересечения различных периодов, которые характеризуют «чётко отличающиеся друг от друга представления об устройении общества и государства». На стыке этих дуг старое встречается с новым, традиции теряют свое значение, не без борьбы уступая свое место техническим и социальным инновациям¹.

¹ Doering-Manteuffel A. Die deutsche Geschichte in den Zeitbögen des 20. Jahrhunderts // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2014. H. 3. S. 321–348.

На примере новейшей истории Германии Дёринг-Мантойфель показывает три таких *дуги времени*: первая идет от начала Первой до конца Второй мировой войны; вторая – с начала 1930-х гг. до конца 1970-х гг.; третья – с начала 1970-х гг. до сегодняшнего дня. Решающее значение при таком подходе имеют не отличия соседних периодов друг от друга, а их взаимодействие, *место встречи* этих дуг, условно измеряемое «декадами». Применительно к ФРГ последняя из них – это «долгое десятилетие» от молодежного протеста 1968 г. и прихода к власти левой коалиции до консервативного поворота 1982–1983 гг.

Крах реального социализма явился составной частью и результатом появления «третьей дуги», но никак не ее начальной точкой. Тренды, заложенные в 70-е гг., отделили нас от «бума» послевоенных лет, хотя на сегодняшний день их потенциал уже практически исчерпан. Речь идет о том, что глобализацию Европы сменила ее «провинциализация», индустриальный капитализм оказался в глубоком кризисе, произошел демонтаж социального государства и сформировалось новое понимание «свободы», которое нашло свое отражение как в триумфе монетаризма, так и в крахе социалистических ценностей.

Пример Китая показывает, что «весь мир стал Западом», утверждает А. Дёринг-Мантойфель¹. Сопоставив такой диагноз с динамикой современного мира, нетрудно сделать вывод, что он вступает в период «четвертой дуги», когда истины и принципы, казавшиеся еще недавно незыблемыми, вступают во все большее противоречие с вызовами грядущей эпохи, которая активно вторгается в современную историю.

Дополнительная литература к выступлению:

1. Das Ende der Zuversicht? Die siebziger Jahre als Geschichte. Hrsg. von Konrad H. Jarausch. Göttingen. 2008.

¹ Doering-Manteuffel A. Die deutsche Geschichte in den Zeitbögen des 20. Jahrhunderts. S. 333–338.

2. *Doering-Manteuffel A.* Die deutsche Geschichte in den Zeitbögen des 20. Jahrhunderts // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2014. Bd. 62. № 3. S. 321–348.
3. *Meinecke F.* Die deutsche Katastrophe. Betrachtungen und Erinnerungen. Wiesbaden, 1946.
4. *Rothfels H.* Zeitgeschichte als Aufgabe // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1953.
5. Vorgeschichte der Gegenwart: Dimensionen des Strukturbruchs nach dem Boom. Hrsg. Von A. Doering-Manteuffel, L. Raphael, Thomas Schlemmer. Göttingen, 2016.
6. *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen. Deutsche Geschichte. Bd. I–II. München, 2000.
7. *Маяцкий М.* Курорт Европа. М., 2009.
8. *Шлезингер А.М.* Циклы американской истории М., 1992.
9. *Эхтернкамп Й.* «Немецкая катастрофа»? О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/nemeczkaya-katastrofa-o-publichnoj-pamyati-o-vtoroj-mirovoj-vojne-v-germanii.html>

Проблемы периодизации новейшей истории Великобритании

В новейшей истории Великобритании можно выделить хронологические рубежи, которые во многом совпадают с общей периодизацией в других странах, однако имеют свои особенности. Если говорить о периоде после завершения Первой мировой войны, то в старых отечественных учебниках ранее иногда выделяли 1918–1923 гг. как отдельный отрезок истории. Для его характеристики употреблялись термины: послевоенное переустройство мира либо даже время «послевоенного революционного подъёма». Однако в Великобритании как такового революционного подъема по итогам войны отмечено не было. На фоне болезненного перехода к мирной жизни, перевода хозяйства с военных на мирные рельсы, трансформации экономики, роста социальной напряженности наблюдался заметный рост забастовочной активности. Тем не менее в ходе выступлений не выдвигались политические требования.

В то же время отрезок с 1918 до 1922 гг. иногда выделяется как отдельный период британской истории даже на страницах зарубежной немарксистской историографии¹. До 1922 г. в стране сохранялся коалиционный кабинет, переходное правительство от войны к миру, в состав которого входили консерваторы и часть либералов. По этой причине в британских работах 1922 г. периодически фигурирует как промежуточный рубеж. Этот год символизировал собой переход от коалиции к одно-

* Сулопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

¹ См., например: Powell D. British Politics, 1910–1935. The Crisis of the Party System. L., N.Y., 2004. P. 90.

партийным кабинетам. Таким образом, с одной стороны, в случае, если перед исследователями стоит задача дать относительно мелкую разбивку межвоенного периода в истории Великобритании, то вполне можно выделить 1922 г. как рубеж. С другой стороны, если пытаться обозначить более широкую периодизацию, то имеет смысл продлить ее с 1918 г. вплоть до начала 1930-х гг., до наступления мирового экономического кризиса.

«Великая депрессия» стала несомненным рубежом в межвоенной истории Соединенного Королевства. В данном случае британская периодизация практически совпадает с американской и с хронологической разбивкой в истории многих других европейских государств. Хотя, в отличие от США, в Великобритании кризис по-настоящему проявился все же не в 1929 г., а в 1930 г.

Что касается истории Соединенного Королевства во второй половине XX века, после завершения Второй мировой войны, то в целом первые послевоенные десятилетия, включая 1960-е гг., в британской историографии принято называть периодом консенсуса¹. Его расшатывание со всей очевидностью было отмечено в 1970-е гг., в связи с чем 1979 г. можно рассматривать в качестве несомненного рубежа как в политической, так и экономической истории страны.

В 1945–1951 гг. лейбористские кабинеты К. Эттли за счет обширного реформаторства в экономической и социальной сфере заложили в стране новую своего рода социал-демократическую модель развития. В Британии утвердилась смешанная экономика с мощным государственным сектором, который был создан благодаря национализации целого ряда отраслей промышленности (угледобывающей, электроэнергетической, газовой), а также железнодорожного транспорта и ряда других сфер хозяйства. Наряду с этим, появилась бесплатная служба здравоохранения, широкая система социальных гарантий, своего рода

¹ *Jefferys K. Retreat from New Jerusalem. British Politics, 1951–1964. N.Y., 1997. P. 4.*

социальный «парашют», который защищал британцев в случае потери трудоспособности, выхода на пенсию и т.п.

Важно подчеркнуть, что консерваторы, вернувшись к власти в 1951 г., в целом приняли указанную выше модель развития. Ранее, вплоть до рубежа 1940–1950-х гг., вопрос отношения партии тори к лейбористскому правительственному наследию никогда остро не поднимался, поскольку первые два лейбористских кабинета под руководством Р. Макдональда (1924 г. и 1929–1931 гг.) не оставили после себя масштабного реформаторского следа. Кабинеты же Эттли существенно модернизировали облик страны, который консерваторы должны были либо принять, либо попытаться изменить. В итоге тори, несмотря на некоторые реформы, не стали демонтировать саму модель. За основу была взята идея континуитета, *consensus politics*.

В этой связи в середине 1950-х гг. в британском политическом лексиконе возник еще один знаковый термин – «батскеллизм» (*butskellism*). Он символизировал собой упомянутый выше континуитет и являл производное от фамилии консерватора Р. Батлера, министра финансов в новом правительстве У. Черчилля, и лейбориста Х. Гейтскелла, министра финансов в старом уже ушедшем правительстве К. Эттли. Термин «батскеллизм» был впервые использован в журнале «Экономист» ещё в начале 1954 г., и далее получил широкое распространение.

Тем не менее, в 1950–1960-е гг. предпринимались и попытки «сломать» данную модель. В этой связи необходимо упомянуть П. Торникрофта, занимавшего в 1957–1958 гг. пост министра финансов в консервативном правительстве Г. Макмиллана. Торникрофт полагал, что британская экономика конца 1950-х гг. нуждается в серьезном реформировании, настаивал на сокращении расходных статей бюджета и выступал за снижение социальных расходов. Впоследствии в британской историографии Торникрофта иногда рассматривали как своего рода «предвестника» тэтчеризма¹. Однако консервато-

¹ Morgan K.O. Britain since 1945. The People's Peace. Oxford, 2001. P. 174.

ры во главе с Макмилланом не рискнули нарушить консенсус в конце 1950-х гг., поскольку ситуация в экономике еще не была столь критической. Большинство кабинета высказалось против радикальных мер, сам же Торникрофт ушёл в отставку в январе 1958 г.

1970-е гг. были ознаменованы экономическими и структурными кризисами, ставшими серьезным испытанием для мирового хозяйства. Одним из главных компонентов британского послевоенного консенсуса было то, что консерваторы, находясь у власти, не должны были существенно ущемлять права профсоюзов. Партия тори неоднократно позволяла себе наступление на тред-юнионы до Второй мировой войны. Однако после 1945 г. в рамках консенсуса политика была весьма осторожная и умеренная, тори старались по возможности не ссориться с профсоюзами. В период премьерства Э. Хита в 1970–1974 гг. консенсус, однако, стал разваливаться. В частности, в 1971 г. был принят Закон об отношениях в промышленности, который существенно ущемлял права тред-юнионов. В результате ситуация в сфере трудовых отношений резко обострилась.

Пришедшие к власти в 1974 г. лейбористы попытались восстановить согласие путем политики «социального контракта», предполагавшей добровольное ограничение роста заработной платы наемных работников. Однако на фоне экономических сложностей даже лейбористским правительствам не удалось обуздать недовольные профсоюзы. Символом утраченного спокойствия стала так называемая «беспокойная зима» (или «зима недовольства» – “winterofdiscontent”) с 1978 на 1979 год. По сути, это был период промышленного и социального хаоса, Британию буквально накрыла волна забастовок. Более того, Соединенное Королевство превратилось в 1970-е гг. в «большого человека» Европы, государство с нездоровой экономикой, нуждавшейся в кардинальном реформировании.

«Лекарство» предложила М. Тэтчер, пришедшая к власти в 1979 г. во главе консервативной партии. В этой связи 1979 г.

рассматривается в историографии как важнейший рубеж в новейшей истории страны. С возвращением к власти тори кардинально трансформировалась модель развития, заложенная еще с 1945 г. Фактически социал-демократическая модель сменилась с приходом Тэтчер на либерально-рыночную¹. Реформы Тэтчер были направлены на сокращение регулирующей роли государства, поощрение предпринимательства, ликвидацию неэффективного государственного сектора, ужесточение профсоюзного законодательства, снижение государственных социальных расходов.

Следующий исторический рубеж – это 1990-е гг., наступление информационного общества. В случае с Великобританией правомернее всего проводить хронологическую линию в 1997 г. В 1990 г. на смену Тэтчер к власти пришел консерватор Дж. Мейджор. Он предпринял попытку подкорректировать курс предшественницы. В результате тэтчеризм приобрел, как выразился известный британский политик К. Кларк, «человеческое лицо». Однако годы премьерства Мейджора все же оказались скорее продолжением предыдущей политики с отдельными корректировками, хотя и значимыми, но не менявшими заложенную Тэтчер модель развития.

Победа же «новых лейбористов» на парламентских выборах 1997 г. оказалась знаковым событием, поскольку в очередной раз сменилась модель. «Новые лейбористы» во главе с Т. Блэром выдвинули концепцию «третьего пути». С одной стороны, они отталкивались от кредо старой социал-демократии, приверженной идеям коллективизма, национализации, высоким социальным расходам. С другой стороны – от тэтчеризма, с его акцентом на индивидуализм, сокращение государственного присутствия в экономике, приватизацию национализированных ранее отраслей хозяйства. «Новые лейбористы» пропагандиро-

¹ Великобритания. Эпоха реформ. Под ред. А. А. Громыко. М., 2007. С. 32.

вали «третий путь», который иногда называют социал-либеральной моделью¹.

На самом деле, обновленная социал-демократия стала в конце XX века весьма любопытным явлением, далеко выходящим за рамки Великобритании. Синхронный «взлёт» в Европе социал-демократических партий, левых политических сил во второй половине 1990-х гг. был поистине уникален. В качестве ярких примеров можно привести приход к власти немецких социал-демократов во главе с Г. Шрёдером в 1998 г., правительство Л. Жоспена во Франции, существовавшее в 1997–2002 гг., правительство М. Д'Алемы, пришедшее к власти в Италии в 1998 г. «Новые лейбористы» в Великобритании в данном случае укладывались в гораздо более широкий международный контекст.

И наконец, следующий хронологический рубеж, который на данный момент можно выделить в истории Соединенного Королевства, связан с мировым финансовым кризисом 2008–2009 гг., который привел к падению популярности лейбористов и их проигрышу на парламентских выборах 2010 г. Более того, этот кризис спровоцировал формирование коалиционного правительства консерваторов и либеральных демократов во главе с Д. Кэмероном, что само по себе стало экзотикой для британской политической авансены. Таким образом, последний на сегодняшний день хронологический отрезок истории – это период, начиная с 2010 г. Референдум о выходе из Европейского Союза, который Кэмерон, будучи премьер-министром, изъявил готовность провести, символизировал новую эпоху в истории Соединенного Королевства.

Для лейбористов также вскоре после 2010 г. начался новый этап, связанный с появлением на посту их лидера в 2015–2020 гг. Дж. Корбина. Под его руководством лейбористская партия по ряду пунктов вернулась на позиции «старой» социал-демократии, подняв из своего давнего багажа идею национализации, вновь

¹ Великобритания. Эпоха реформ. Под ред. А. А. Громыко. М., 2007. С. 32.

появившуюся в ее в программных документах. Лидерство Корбина стало явным и демонстративным отходом от «нового лейборизма».

В заключении хотелось бы поделиться некоторыми общими размышлениями о периодизации истории стран Европы и Америки в XX–XXI веках. Если говорить о периоде после Второй мировой войны и в качестве основного критерия периодизации брать экономическое развитие, то наиболее правомерной представляется хронологическая разбивка в районе 1975 г., связанная с экономическими структурными кризисами. При более широком хронологическом охвате можно предложить трехступенчатую периодизацию: 1918–1945 гг.; 1945 г. – начало 1990-х гг.; 1990-е гг. – вплоть до современности.

Дополнительная литература к выступлению:

1. *Jefferys K.* Retreat from New Jerusalem. British Politics, 1951–1964. N.Y., 1997.
2. *Morgan K.O.* Britain since 1945. The People's Peace. Oxford, 2001.
3. *Powell D.* British Politics, 1910–1935. The Crisis of the Party System. L., N.Y., 2004.
4. Великобритания. Эпоха реформ. Под ред. А.А. Громыко. М., 2007.

Периодизация новейшей истории: концепции советских историков и их значение

Коллеги, я сразу оговорюсь, что тема одна, а буду я говорить немножко о другом, потому что в процессе работы у меня сложилось иное видение того, о чем я бы хотел сказать. Безусловно, я бы не хотел повторять всем известные, особенно старшим коллегам, подходы, которые бытовали в советское время. В основу своего небольшого доклада я бы положил то, как сегодня концептуально рассматривают советскую историю в историографии, и скорее даже не в российской, а в англо-саксонской, потому что, как это ни парадоксально, но на мой взгляд зачастую на Западе нашу историю концептуально изучают даже более глубоко, чем у нас. Англо-саксонская историография дает довольно хороший пример того, как на уровне теории изучается специфика советского периода. Я бы на этом сконцентрировался, отметив, какие главные критерии членения предлагают историки, и насколько они позволяют нам поделить советскую историю на какие-либо периоды *в принципе*.

Вначале упомяну, как делили историю наши предшественники – советские исследователи. Здесь всё достаточно хорошо известно: до 1950-х гг. в основе периодизации лежала схема, изложенная в «Кратком курсе истории ВКП(б)», предложенная И.В. Сталиным, где история страны шла *параллельно истории партии большевиков*. Таким же образом формировались и иные периодизации. В эпоху «оттепели», в 1960-е гг., от этой схемы начали отходить, и положили в основу членения новейшей истории России, Советского Союза, критерий *продвижения к со-*

* Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

циализму, то есть смену общественно-экономических формаций: период «построения социализма», период «консолидации нового социалистического строя», его укрепление, потом – постепенное «продвижение к коммунизму». Эта модель имела различные варианты, на которых я не буду останавливаться подробно: отдельно выделялся период диктатуры пролетариата, а также период, когда государство от диктатуры пролетариата «перерастало» в «общенародное», и так далее.

Вероятно, последняя попытка положить именно эту схему деления в основу советской истории была предпринята в 1988 г. Максимом Павловичем Кимом – академиком, который, уже с поправкой на новую атмосферу перестройки, предложил три периода: построение социализма (1917–1941 гг.), ранний (начальный) период социализма (1941–1985 гг.), за которыми следовала перестройка как некий отдельный этап. В основу, очевидно, был положен критерий идеологический, здесь всё еще диктовала идеология.

В качестве альтернативы зарубежные историки брали то, что наиболее очевидно – критерий деления истории по неким этапам правления: период ленинский, период борьбы за власть в 1920-е гг., период сталинский, период послесталинский (он же хрущевский) и так далее. В то же время, на Западе стали возникать альтернативные концепции советской истории, которые давали иную сетку хронологии, в частности, в 1950–1960-е годы появляется теория тоталитаризма. Её формулируют немецкие философы, но тут же подхватывают историки других школ, и к концу советского периода (1980–1990-е гг.) она была уже более-менее сформирована.

Одним из наиболее ярких лидеров этого направления был французский историк Франсуа Фюре, который в своей работе напрямую «запараллелил» историю СССР и историю нацистской Германии, предложив несколько этапов, которые вели к складыванию системы сталинского тоталитаризма и постепенного его, скажем так, «изживания», смены хрущёвским авторитариз-

мом, или, как писал Фюре, «полицейской системой» и постепенным перерождением прежней власти. Помимо Фюре, в этом же духе высказывался и писал историк-социолог Мартин Малиа. Югославский политик Милован Джилас – один из тех, кто в последствии сформулирует концепцию и теорию номенклатуры – также с этой точкой зрения в конце своей жизни солидаризовался.

В итоге мы получили систему, где, конечно, учитывалось серьезное влияние фактора идеологии, но какого-то концептуально осмысления советской истории она не давала: всем было понятно, что продвижение к социализму – это не совсем то, что определяет какие-то сущностные особенности советского государства. Поэтому с крахом Советского Союза и с упадком советской историографии стали возникать новые альтернативные модели, которые, по моему мнению, были попыткой смешать всё и вся. То есть брались какие-то отдельные наработки западных специалистов, к примеру, теория тоталитаризма, и всё это смешивалось, следы чего можно видеть по сей день в школьных учебниках (и не только в школьных).

Я, готовясь к сегодняшнему докладу, взял несколько учебников и просто их на этот предмет посмотрел. Там есть сразу несколько подходов: и теория модернизации, (конкретно – сталинской), и в то же время в качестве критерия берется фактор внешнеполитический, то есть Великая Отечественная и «холодная война». Периоды правления также выделяются, то есть период хрущевский, период брежневский, возможно, это объясняется тем, что таким образом просто легче структурировать историю, это скорее некая дидактика.

Картина с периодизацией в историографии не сильно проще: на сегодняшний день какого-то четкого взгляда на советскую историю (ответ на вопрос о том, «что же это было?»), критерия, лежащего в основе всего, не существует. Поэтому подходов к выделению периодов есть сразу несколько, и я сразу перейду к тем, которые сейчас являются наиболее популяр-

ными и развиваются в первую очередь в англо-саксонской историографии.

Конечно, самый главный из них – это теория модернизации. Здесь в полный рост встаёт проблема, которую обсуждают западные коллеги: является ли Советский Союз примером государства «модерна»? Нам кажется, что да, но это далеко не так очевидно. Выделяются два подхода: подход в духе идей «множественных модерностей», сформулированный израильским социологом Шмулем Эйзенштадтом, в США его представителями являются историки, чьи имена мы хорошо знаем – Стивен Коткин и Питер Холквист.

Они считают, что Советский Союз действительно являлся примером «модерна». В частности, Коткин полагает, что в 1920–1930-е гг. СССР был в его авангарде, он даже шел впереди целых стран, то есть имел некое преимущество. При этом после войны, по мнению Коткина, Сталин этот модерн «откатил» в прошлое, а до того, в течение 1930-х гг. он советский проект «законсервировал» и, таким образом, обрёл его на стагнацию. В чем здесь проблема? Дело в том, что подход, озвученный Коткиным, не позволяет чётко поставить точку отсчета и точку завершения: где же старт и где конец советского «модерна»?

1917 г. едва ли является его стартом, а 1945 г. – его завершением. Более того, в последние годы в западной историографии высказывается точка зрения о том, что пик советского «модерна» – это скорее хрущевский период, чем сталинский. Попытка решения этой проблем приводит к тому, что эти идеи и взгляды на советский «модерн» множатся. Российско-американский историк Анна Крылова вообще делит весь советский период на три части: «большевистский», «переходный» (1930-е гг.) и «советский», то есть был некий изначальный проект, потом был переход – построение уже в прямом смысле слова советского «модерна» (это сталинское время и война), и потом последовал уже послесталинский период, который она считает «апофеозом советского модерна».

Здесь возникает проблема, которую уже частично затронул Александр Юрьевич: как же быть с гипотезой о том, что советский строй был схож с нацистским и имел ли место советский *Sonderweg*? Ряд историков на западе считают, что, действительно, и германский нацизм и советский коммунизм – это *экстремальные варианты «модерна»*, то есть в них проявилось что-то такое, что зародышево есть в любой современной системе – это идеи, отсылающие нас к теории Мишеля Фуко. Это непростой вопрос. Если мы считаем, что есть некое сходство между двумя системами, то в чем оно выражается, когда это сходство было наиболее ярко выражено, почему оно исчезло – всё это тоже ставит серьезные проблемы, связанные с периодизацией двух режимов.

Ещё одно направление, которое критикует теорию «модерна» и, таким образом, ставит под вопрос всю периодизацию, которую можно построить на её основании – это теория, которую по-разному называют, но я выбрал термин *неотрадиционализм*. Наиболее ярким его представителем является австралийско-американский историк Шейла Фицпатрик и её ученики – из них Терри Мартин, наверное, наиболее известный. Они считают, что никакого «модерна» в Советском Союзе не существовало. В данном случае позволю себе процитировать Терри Мартина: «модернизация – это теория советских планов; неотрадиционализм – это теория их незапланированных последствий». То есть, хотели построить что-то «западное», а получилось, грубо говоря, «Московское царство».

В рамках такого взгляда проблема «модерна» в принципе исчезает: в качестве примера очень часто берут Холокост и ГУЛАГ, если Холокост – это рационально построенная фабрика по уничтожению людей, то ГУЛАГ – это хаос, управленческий в первую очередь, едва ли его можно считать проявлением западной рациональности. Еще один специалист, который в этом же ключе рассуждает о советской истории – советско-французский историк Тамара Кондратьева, кстати, выпускник

нашей кафедры, которая в своей книге «Кормить и править» проводит прямую параллель между системой распределения материальных благ в Московском царстве и в Советском союзе. Здесь вопрос о периодизации немного зависает, так как напрашивается традиционный ещё для дореволюционной историографии подход, отталкивающийся от трансформации институтов государства. В данном случае новым смыслом наполняется стартовая точка советской истории – 1917 г. В частности, Владимир Прохорович Булдаков, который этой проблемой занимается очень давно, исследует данные процессы, опираясь ещё на опыт Смутного времени, здесь у него «плавает» стартовая точка.

И наконец, ещё один критерий, который в данной связи может быть использован – это критерий, основанный на международном контексте, в рамках которого Советское государство менялось качественно в зависимости от внешних вызовов. Здесь ключевыми точками выступают сначала Первая мировая, затем зарубежная интервенция, потому Великая Отечественная и наконец «холодная война».

Безусловно, этими подходами вся палитра мнений о том, каким было советское общество и как его историю членить, не исчерпывается. В последние годы развивается подход *социокультурный* – на стыке истории, социологии и антропологии, где в качестве критерия берется качественная эволюция советского социума. Здесь, на мой взгляд, наиболее яркой работой является книга Алексея Юрчака «Это было навсегда пока не кончилось» (“Everything was forever, until it was no more”, на мой взгляд на английском это ещё лучше звучит). Автор предлагает посмотреть на советскую историю через призму *восприятия идеологии*, он также выделяет отдельные периоды: 1920-е годы, собственно сталинский период и период послесталинский.

В последнее время в западной историографии среди специалистов, которые изучают советское общество, всё более популярен подход, где важное место уделяется событиям конца

1960-х гг., как важной вехе. Даже не 1964, а, скорее 1968 г., когда окончательно советская власть начала «замыкаться» и потеряла связь с теми процессами социальной жизни, которые шли как во всём мире, так и в Советском Союзе.

Как это ни покажется парадоксальным, в советском случае, где всё выглядит четким и понятным (есть 1917, 1945, 1991 гг.), если копнуть чуть-чуть глубже, то очевидные на первый взгляд критерии расплываются, и выясняется, что чёткой системы периодизации отечественной истории XX в. на сегодняшний день не существует.

Дополнительная литература к выступлению:

1. *Krylova A.* Imagining Socialism in the Soviet Century // *Social History*. 2017. Vol. 42. № 3. P. 315–341.

2. *Кондратьева Т.С.* Кормить и править: о власти в России XVI–XX вв. М.: РОССПЭН, 2009.

3. *Коткин С.* Предотвращённый Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970–2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

4. *Крылова А.* «Советская современность»: Стивен Коткин и парадоксы американской историографии // *Неприкосновенный запас*. 2016. № 4. С. 118–136.

5. *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: «РОССПЭН», 2011.

6. *Фицпатрик Ш.* О команде Сталина: годы опасной жизни в советской политике. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

7. *Холквист П.* Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: «РОССПЭН», 2011.

8. *Юрчак А.В.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: «НЛО», 2014.

Дискуссии о периодизации «холодной войны» в современной отечественной историографии

В какой-то степени мой доклад продолжает вчерашние выступления в рамках «Ломоносовских чтений». Конечно, не хотелось бы повторяться и говорить то же, что я говорил вчера, поэтому я сконцентрируюсь сегодня в большей степени именно на отечественной историографии, поскольку вчера я говорил о зарубежной. Я буду говорить об общих подходах и отношении собственно к периодизации и, как раз в рамках нашей дискуссии, наметить какой-то путь к тому, как можно провести периодизацию «холодной войны» для того, чтобы преподавать её в рамках учебного курса.

Очевидно, что изучение истории «холодной войны» до 1990-х годов определялось в отечественной историографии господствующей идеологией, политика СССР оценивалась довольно схематично в рамках идеологических догм. Согласно последним, вина за развязывание «холодной войны» возлагалась исключительно на страны Запада. Помимо господствующей концепции, важнейшим фактором, который не позволял объективно изучить роль Советского Союза и других стран в событиях «холодной войны», была закрытость советских архивов. Но с уходом «холодной войны» в прошлое эти стереотипы стали постепенно разрушаться, и базой переворота в историографии «холодной войны» стало открытие советских архивов. Это дало возможность приступить к историческим исследованиям на качественно новом уровне, в том числе затронуть вопрос о периодизации «холодной войны». И сегодня можно сказать, что в отношении того, как выделять периоды

* Родин Денис Валерьевич – к.и.н., научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

в рамках «холодной войны», мы можем увидеть два основных подхода. В них имеется что-то общее и что-то различное.

Прежде всего, из общего можно отметить восприятие «холодной войны»: по большей части она воспринимается именно как конфликт двух сверхдержав, именно как период острого противостояния США и Советского Союза. В ряде работ понятие «холодная война» сближается с понятием «биполярная система международных отношений», и в таком случае будет даваться хронология с 1945 по 1991 годы – от окончания Второй мировой войны до распада Советского Союза. В других признается, что не сразу две сверхдержавы приступили к конфронтации друг с другом, что период с 1945 года по 1947 год – это период постепенного вхождения сверхдержав в «холодную войну», что со временем назревали противоречия, но в то же время сохранялись возможности для диалога, например, в рамках ООН или Совета министров иностранных дел. В таком случае начало «холодной войны» будет отнесено к 1947 г. – к моменту, когда была озвучена доктрина Трумэна.

Окончание тоже будет зависеть от того, считаем ли мы, что с исчезновением Советского Союза, с упразднением одной из двух сверхдержав, сама биполярная система превратилась в однополярную: закончилась «холодная война», в то же время сложились условия для перехода к многополярной системе. Либо же мы считаем, что уже на заключительном этапе существования Советского Союза преобразования в советской политике, обществе, экономике вели к сближению со странами Запада, и тогда «холодная война» завершается раньше 1991 года – в период между 1989 и 1991 гг. с крахом социалистического лагеря в Восточной Европе, с объединением Германии и трансформацией ценностей в советском обществе. Потому что «холодная война» носила прежде всего идеологический характер – это было не просто столкновение двух блоков, а столкновение именно двух систем ценностей, противоположных друг другу.

Что же касается деления на этапы, то два основных подхода, о которых я говорю, – это подход *персоналистский*, о котором

уже сказал Александр Александрович, он подразумевает деление по руководителям, по тому, кто возглавлял страну в тот или иной период; либо *системный* подход, когда основное внимание уделяется системообразующим факторам. Приведу несколько работ, чтобы продемонстрировать свой тезис.

Персоналистский подход, например, характерен для таких авторов, как Владислав Зубок и Константин Плешаков, которые, анализируя в своей работе «Inside the Kremlin's Cold War: from Stalin to Khrushchev» («Тайная история “холодной войны”: от Сталина к Хрущёву») отношения Советского Союза и США, выделяют сталинскую, хрущёвскую, брежневскую (к которой присоединяют Андропова и Черненко) и горбачевскую эры, стараются показать, как руководители страны влияли на восприятие Советским Союзом американской угрозы и на подходы во внешней политике.

Если говорить про изучение позиции США, то здесь мы можем обратиться к работе А.И. Уткина «Мировая холодная война». Он признает, что она началась в 1947 г. с принятием доктрины Трумэна и плана Маршала – это обозначало процесс консолидации западного мира перед лицом советской угрозы. Далее он сопоставляет периоды «холодной войны» с пребыванием у власти той или иной американской администрации. Так, 1953–1960 гг. – администрация Д. Эйзенхауэра – это структурное оформление в противостоянии антагонистов «холодной войны», первой стадии непримиримого противоборства. 1961–1968 гг. – время президентств Дж.Ф. Кеннеди и Л. Джонсона – это пик напряженности, так как в это время в обеих сверхдержавах наблюдался стремительный рост стратегического потенциала, а рост численности суверенных государств вследствие деколонизации ослаблял прежде уникальные позиции Америки.

«Разрядка» связывается с пребыванием в должности Р. Никсона и Дж. Форда (1969–1977), которые внесли корректировку в систему антисоветского стратегического планирования, отдав

предпочтение выборочному, а не тотальному ведению «холодной войны». Угасание «разрядки» – это президентство Джимми Картера (1977–1981), период развития нового противостояния. «Вторая холодная война» – это Р. Рейган и первый его срок (1981–1985). А уже второй срок Рейгана и период пребывания у власти Джорджа Буша-старшего (1985–1993) – это окончание «холодной войны», причем здесь опять-таки отмечается роль М.С. Горбачева – немалую роль сыграл его приход к власти, который совершил переворот, смену «политического облика» СССР.

Этот подход касается не только отношений двух сверхдержав, он транслируется и на политику каждой сверхдержавы в регионах. Яркий пример – работа А.М. Хазанова и А.Ю. Олимпиева «Советский Союз и Ближний Восток в годы “холодной войны”», где выделяются такие этапы, как «ледниковый период холодной войны», который связан с пребыванием у власти в Советском Союзе Сталина, «эра Хрущева», брежневская эпоха, «междоусобица» Андропова и Черненко, а также период Горбачева. Впрочем, брежневскую эпоху авторы дополнительно делят в связи с событиями в регионе на периоды 1964–1973, 1974–1979, 1979–1982 гг. 1973 г. становится рубежным, потому что именно тогда происходит «война судного дня», которая привела к «нефтяному шоку» и обозначила постепенный отход Израиля и Египта от жесткой конфронтации. 1979 г. – ввод советских войск в Афганистан, который приводит к изменению расстановки сил в регионе и сплочению арабских стран и США перед лицом советской угрозы.

Другой подход – это подход системный, когда в первую очередь берется не личностный фактор, а анализируется вся совокупность системных факторов: как трансформируется система под влиянием экономических и политических изменений, под влиянием деятельности отдельных лиц или, скажем, военно-технического фактора. Здесь мы можем отметить таких авторов, как В.О. Печатнов, который показал, что 1947 г. – это

«пересечение Рубикона». С одной стороны, на этот год пришлось провозглашение «доктрины Трумэна», принятие плана Маршалла, с другой – совещание коммунистических партий в г. Шклярска-Поремба и создание Коминформбюро. Тем самым и американская, и советская политика, пропаганда, дипломатия консолидируются, каждая обретает органическое единство и избавляется от необходимости скрывать отношения к главному противнику.

Похожим образом выстроены работы В.И. Батюка, который выделяет следующие этапы «холодной войны»: начало и становление биполярного мира – первое десятилетие после Второй мировой войны, когда становится очевидным раскол на два лагеря, когда обозначается начало ядерной гонки, сверхдержавы начинают бороться за влияние в странах «третьего мира». Затем следует оттепель, и она связывается с политикой Н.С. Хрущёва, её часто отмечают как отдельный этап. В этой связи, например, Александр Фурсенко вместе со своим канадским коллегой Тимоти Нафтали признавали, что это период, когда сильно проявляется влияние личности на политику государства. «Разрядка» рассматривается как время создания разветвленной структуры двусторонних режимов, которая охватывает различные сферы советско-американских отношений. Затем следуют события 1980 – начала 1990-х гг. – «новая холодная война» и ее окончание.

Равным образом и Л.Н. Нежинский отмечает, что «холодная война» началась на этапе перехода к послевоенному миру, продолжалась в 1950–1960-е гг. и периодически сменялась «оттепелями» в отношениях противостоящих сил, после них могли снова начинаться «заморозки». Выделяются периоды 1970-х – первой половины 1980-х гг., когда Советский Союз некоторое время находился в состоянии безвластия, и период второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., когда «холодная война» между Востоком и Западом фактически закончилась.

Наиболее яркий пример такого подхода – это «Системная история международных отношений», в последней редакции

том второй, который посвящён биполярной системе международных отношений и событиям после ее распада. Здесь как раз показано то, что уже в 1945–1946 гг. вызревают противоречия в процессе послевоенного урегулирования, а 1947–1949 гг. становятся начальным этапом формирования биполярности. Параллельно с 1945 по 1951 гг. конфронтация выходит за рамки Европы и охватывает Восточную Азию, и корейская война играет ключевую роль в «экспорте» биполярности из Европы в другие части света. В 1950–1955 гг. завершается структурное оформление двухблоковой системы, что происходит с появлением Организации Варшавского договора. В 1956–1958 гг. его сменяет период противоречий конкурентного сосуществования, когда, с одной стороны, предпринимаются попытки переговоров по международным вопросам, с другой – сверхдержавы пытаются устрашать друг друга эскалацией конфликтов.

В 1959–1962 гг. происходит постепенное смещение конфликтности в зону международной периферии. Ярким примером «балансирования» на грани мировой войны стал карибский кризис. После него «холодная война» в узком смысле, как период острой конфронтации двух сверхдержав, заканчивается. Ей на смену приходит период «конфронтации по правилам», которая позволяла решать задачи внешней политики сверхдержав без риска «лобового» столкновения между ними. 1962–1968 гг. становятся периодом становления политики «разрядки». 1969–1973 гг. – это уже проведение, претворение в жизнь политики «разрядки», но в то же время появление в ней первых противоречий. С 1974 г., ещё даже до подписания Хельсинских соглашений, эти противоречия начинают выходить на первый план, яркий пример чему – поправка Джексона-Вэника. В 1979 г. последним «гвоздем в крышку гроба разрядки» становится ввод советских войск в Афганистан. 1980–1985 гг. – это возобновление биполярной конфронтации, но это уже конфронтация по правилам, потому что принцип диалога никуда не исчезает: например, вплоть до 1983 г. сохраняется диалог в Вене по во-

просам ядерного разоружения. Наконец, 1986–1991 гг. – это распад Ялтинско-Потсдамского международного порядка.

В равной степени системный подход наблюдается и при изучении политики сверхдержав по отношению к отдельным странам. Например, А.М. Филитов представил его в работе «Германия в советском внешнеполитическом планировании», где очень хорошо показано членение советской политики в отношении Германии в зависимости от системных факторов, от изменения подходов Советского Союза к угрозам из-за рубежа. Из последних работ следует отметить нашу кафедральную монографию «Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру», где в последней части показаны именно системообразующие факторы «холодной войны» и, кроме того, показана множественность «холодных войн». Здесь проведена мысль о том, что «холодная война» в разных регионах велась с разной скоростью, и, соответственно, можно выделять самые разные периоды, такие как её становление, протекание, завершение. Там это показано на материале второй половины 1940-х гг., на примере Европы, Балкан и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Приятно, что этот подход уже начинает проникать и в школьные учебники. Я специально для этого обратился к журналам, которые освещают преподавание истории в школе, например, «История: всё для учителя!». Там мне попалась довольно хорошая статья «Холодная война: причины, содержание, основные этапы», которая как раз отражает системный подход к «холодной войне»¹.

В завершении отмечу, что в последние годы проявляет себя и «новая» история «холодной войны» в отечественной историографии, та концепция, которая разрабатывалась на Западе О.А. Вестадом, проникает и к нам. Да, проблема «холодной

¹ Страшнюк С.Ю. «Холодная война»: причины, содержание, основные этапы // История. Все для учителя. 2013. № 10. С. 27–35.

войны» на полигонах «третьего мира» – это тема, которая только начинает разрабатываться, здесь предстоит обширный фронт работы; но тем не менее и здесь уже есть серьёзные достижения. Например, книга А.А. Фурсенко и Т. Нафтали по советско-кубинским отношениям и истории Карибского кризиса; работы И.В. Гайдука, посвященные советской политике в Индокитае; книга А.А. Ляховского о вводе советских войск в Афганистан. Отдельно следует упомянуть и видных свидетелей эпохи: В.Л. Исраэлян, исследовавший позицию сверхдержав в период «Войны судного дня», К.Н. Брутенц, который сделал обширный обзор «дуэли» сверхдержав в «третьем мире», Г.М. Корниенко, который отмечал, что неурегулированность конфликта в «третьем мире» привела, наряду с другими факторами, к концу «разрядки» и нарастанию напряженности в конце 1970-х гг.

В большей степени анализируется ядерный фактор в развитии «холодной войны». Яркий пример – это книга В.Л. Малькова «Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету», где дана периодизация первых десятилетий «холодной войны» в зависимости от разработки ядерного оружия и от ядерного паритета двух сверхдержав. Важно отметить и обращение к такому фактору, как энергетический, который также серьезно влиял на ход «холодной войны».

Недавно была выпущена прекрасная монография О.Н. Скороходовой «Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны», где период с 1960-х по 1970-е гг. делится на части: с 1960-х до начала 1970-х гг. происходит «закат» эпохи «дешевой нефти», создание ОПЕК и обострение противоречий на Ближнем Востоке; 1973–1979 гг. представлены как последствия «нефтяного шока» 1973 г., 1979 – начало 1980-х – это последствия «второго нефтяного шока», а период с 1985–1986 гг. по начало 1990-х гг. характеризовался падением цен на нефть, что усугубляло социально-экономический кризис в Советском Союзе, и в то же время порождало оптимизм в странах Запада, что создавало экономи-

ческий фон для завершения «холодной войны». Таковы ключевые подходы к проблематике хронологии «холодной войны», представленные в настоящее время в отечественной историографии.

Дополнительная литература к выступлению:

1. *Westad O.A.* The Cold War: A World History. N.Y., 2017.
2. *Zubok V., Pleshakov C.* Inside the Kremlin's Cold War: From Stalin to Khrushchev. Cambridge, MA, 1996.
3. *Батюк В.И.* Холодная война между США и СССР (1945–1991). Очерки истории. М., 2018.
4. *Буртенц К.Н.* Великая геополитическая революция. М., 2014.
5. Вторая мировая война и трансформация международных отношений: от многополярности к биполярному миру / под ред. Л.С. Белохова, А.С. Манькина. М., 2020.
6. *Гайдук И.В.* Советский Союз на Женевской конференции // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива. М., 2003. С. 433–455.
7. *Израэлян В.Л.* На фронтах холодной войны: записки советского посла. М., 2003.
8. *Корниенко Г.М.* Холодная война: свидетельство ее участника. М., 2001.
9. *Ляховский А.А.* Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995.
10. *Мальков В.Л.* Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету. М., 2018.
11. *Нежинский Л.Н.* Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995.
12. *Олимпиев А.Ю., Хазанов А.М.* Советский Союз и Ближний Восток в годы холодной войны. М., 2020.
13. *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: документальные очерки. М., 2006.
14. Системная история международных отношений. В 2-х томах / под ред. А.Д. Богатурова. 2-е изд. Т. II. М., 2009.
15. *Скорородова О.Н.* Эпоха великих потрясений: энергетический фактор в последние десятилетия холодной войны. М., 2021.
16. *Уткин А.И.* Мировая холодная война. М., 2005.

17. *Филитов А.М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании (1941–1990). М., 2021.

18. *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* «Холодная война» Хрущева. Тайная история противника Америки. М., 2018.

19. *Фурсенко А.А., Нафтали Т.* Безумный риск: секретная история Кубинского ракетного кризиса 1962 г. М., 2016.

Вопросы докладчикам и итоговая дискуссия

Рогулев Ю.Н. У меня вопрос к А.А. Вершинину, его выступление меня, в какой-то степени, даже поразило как представителя кафедры «новистов». Все, кто изучал в свое время историографию, знают, что понятие «нового времени» применялось в широком смысле достаточно долго, до середины XIX в., когда это понятие утверждается как целостная по форме, по смыслу концепция «нового времени», то есть *modernity*. И примерно в это же время начинают разводить два понятия: понятие Нового времени и понятие модернизм или *modernitas*, то есть, когда понятие «модернизма» как современности рассматривалось как модель конкретного общества, и при этом она совпадала только с европейскими и переселенческими странами типа США: она соответствовала конкретным критериям, конкретным чертам этого общества. А новое время как таковое – это было время «для всего мира», для всего человечества, хотя, конечно, оно тоже развивалось под влиянием Европы, в значительной степени. Но модернизация (*modernity*) – это было понятие, связанное только с Европой, Соединенными Штатами, рядом других переселенческих стран. Как же возникает эта концепция применительно к Советскому Союзу?

Вершинин А.А. В русском языке есть некая дихотомия: мы говорим про период нового времени и про процесс модернизации. Конечно же, я ставлю во главу угла понятие модернизации, то есть переход от аграрного общества к индустриальному.

Рогулев Ю.Н. Модернизация как процесс изменения, Вы имеете в виду?

Вершинин А.А. Да, конечно, как теорию индустриального, урбанистического, городского общества, то есть то, что в России началось в 60-е годы XIX столетия, то, с чем Российская империя не справилась перед тем, как она обрушилась в 1917 г. Модернизация как изменение типа социума – именно это я поставил во главу угла и через эту призму я и предложил посмот-

реть, как «советский проект» (как выражаются политологи, но я этот термин не очень люблю) рассматривают западные исследователи. Я дал эту картину очень общо, это даже не один процент от того, что следовало бы сказать.

С одной стороны, это была модернизация, альтернативная *вестернизации* (еще одно слово, которое в этой связи стоит сказать), здесь же идея Эйзенштадта о том, что возможны «множественные модернизации». Он брал в качестве примера, в частности, Японию, с целью показать, что возможны альтернативные Западу «модерны». И одна часть западной историографии, конкретно – англо-саксонской, считает, что это была попытка модернизации, а дальше идут споры о том, была ли она успешной. Вот С. Коткин считает, что нет. И отмечу другое направление, сторонники которого считают, что существует образ «нищей страны с атомной бомбой»: что ни делай, получается «Московское царство», но вооруженное до зубов и покоряющее космос, «Верхняя Вольта с ракетами», используя известную фразу Гельмута Шмидта.

Если в первом случае есть какие-то понятные, на мой взгляд, критерии деления (когда этот модернизационный проект стартовал, когда он был исчерпан), то во втором случае мы теряем этот критерий, дальше мы должны лишь искать его. В.П. Булдаков тоже считает, что советский проект не является чем-то принципиально необычным на фоне общей истории России. Он вводит понятие «цикла имперского строительства», ещё один критерий для членения, возможно уже даже не только советской, а вообще русской истории; и считает, что СССР – это очередной цикл. Цикл, завершившийся до этого, начался в XVII столетии, дальше был советский период, и вот сейчас мы вступаем в некую новую эпоху. Но я осознанно не стал затрагивать события после 1991 г.

Ватлин А.Ю. Вопрос к молодым коллегам, которым я очень завидую. Во-первых, большое спасибо за то, что были упомянуты многие выпускники, причем даже не факультета, а нашей

кафедры! Тамара Кондратьева, Влад Зубок – это историки мировой величины, которые влияют на формирование современного исторического знания на Западе – это выпускники нашей кафедры. Ольга Скороходова – тоже наша выпускница; это молодежь, которая у нас появляется, и я очень рад, что у нас вырастает такая смена. Но вырастает она, не идя по стопам своих учителей и наставников, а, в какой-то степени, идя поперёк устоявшимся тропам. И здесь я, как человек, преподающий историографию, с каждым годом всё больше и больше внимания уделяю такому понятию как *ревизионизм*.

Конечно, не в понимании Э. Берштейна, но в понимании вот этой постановки под вопрос устоявшихся аксиом. И в данном плане вопрос к Александру Александровичу: в какой мере упомянутый Вами ревизионистский подход находит отражение в современном западном представлении о Советском Союзе. Были названы такие звезды как Стивен Коткин и Шейла Фицпатрик, но каковы перспективы «ревизии»? Конечно, есть и вопрос к Денису Валерьевичу: а можно ли сказать, что современные отечественные историки тоже не брезгают поставить вопросы не просто в рамках «мейнстрима», а пытаются поставить их поперёк?

Вершинин А.А. Здесь, как мне представляется, все работы можно назвать отчасти ревизионистскими, так как без пересмотра каких-то устоявшихся концепций сложно идти вперёд. В некотором смысле, можно сказать, что и Коткин, Холквист и Фицпатрик пересматривают те идеи, которые доминировали на Западе в 1950–1960-е гг. Я назвал ранее имена тех людей, которые закладывали в специфику советского общества понятие «тоталитаризма». И Коткин, и Фицпатрик, при всех своих отличиях, сходятся на том, что вряд ли можно применительно к советской системе использовать это понятие, то есть они предлагают некие иные подходы. Они сталкиваются с теми же самыми сложностями, одну из которых я уже выделил – это проблема соотношения друг с другом «нацистского проекта» и проекта советского.

Мне кажется, эти историки приходят к весьма полезной мысли о том, что, вероятно, и в советском, и в германском случае есть какие-то экстремальные проявления общего «модерна», какие-то родовые признаки, которые есть везде, но именно в России и Германии, ввиду их особого исторического пути, эти параметры себя наиболее ярко определили, эту идею историки выдвинули, идя вслед за М. Фуко. В германской историографии есть своя дискуссия на этот счёт, но, применительно к советскому периоду – это проблема, которая также обсуждается и, безусловно, германский опыт здесь очень актуален и постоянно используется. Однако, отмечу, что я взял работы довольно старые, им уже всем по 15–20 лет. Эти идеи переосмысляются и сейчас, и возможно, лет через пять мы сможем ещё раз «обновить» результаты нашей сегодняшней дискуссии.

Ватлин А.Ю. Я хочу уточнить вопрос к Денису Валерьевичу: он заключается в том, не идём ли мы и здесь каким-то «особым путём», отличным от развития западной историографии? Может быть, у нас поэтому и периоды другие возникают? Или всё-таки логика развития исторической мысли, и соответственно, периодизация истории, у нас общая?

Родин Д.В. Спасибо большое, я как раз хотел ответить: Вы говорите о следовании западной историографии, но я как раз хотел бы сравнить позицию зарубежных и отечественных авторов по поводу «холодной войны». В западной историографии очень четко выделяют школы: традиционалисты (или «ортодоксальная школа», как её называют), ревизионисты, постревизионисты. Если кратко суммировать их взгляды, то традиционная школа (ортодоксальная) придерживается мнения, что в «холодной войне» виноват Советский Союз; ревизионисты же полагают, что виновата американская агрессивная внешняя политика, постревизионисты считают, что виноваты обе сверхдержавы. Наша отечественная историография сегодня проходит тот же самый путь.

Можно сказать, что советская историография – это традиционализм, но со знаком минус (по ее мнению, во всём виновата

ты США). В 1990-е гг. мы видели достаточно много работ, где вина возлагалась в первую очередь на «советский экспансионизм», на то, что Сталин пытался расширить сферу влияния Советского Союза. Как раз последние десятилетия (двухтысячные годы, 2010-е) мы наблюдаем у наших историков постревизионизм, когда признаётся вклад обеих сверхдержав в начало «холодной войны»; признаётся, что, по сути, нельзя говорить о чьей-либо вине; постулируется, что было именно «сползание» в противостояние, что каждая из стран, как говорит Печатнов, в первую очередь думала об обеспечении собственной безопасности.

Просто эти представления о том, как обеспечить свою безопасность, начинали пересекаться, вступать в противоречие друг с другом, и каждая из сверхдержав делала выбор: либо пытаться выстроить диалог на компромиссах и обеспечить безопасность всего мира, либо в первую очередь думать о себе. Обе сверхдержавы делают последний выбор, и это приводит к запуску механизмов «холодной войны». На волне постревизионизма начинают учитываться и несистемные факторы, такие как влияние стран «третьего мира», военно-техническая сфера, идеологическая и экономическая сферы. Здесь мы идем догоняющим путем: то, что западная историография проделала к концу XX в., мы сегодня, в короткие сроки, тоже проходим.

Наумова Н.Н. Спасибо большое, с большим интересом прослушала все доклады. Особенно мне было интересно то, что рассказывала Елена Алексеевна. Я сравнивала то, как изучается новейшая история в Великобритании и во Франции. И я увидела, что во Франции, все-таки, когда идет деление на некие этапы «истории современности», выходят на первый план скорее политические критерии. Из того, что говорила Елена Алексеевна, трудно выделить преобладающий критерий, там всё-таки были разные критерии: и политические, и экономические.

Вопрос у меня, на самом деле, к Денису Валерьевичу: Вы знаете работу Гейра Лундестада «Восток – Запад, Север – Юг»?

Родин Д.В. Да, относительно.

Наумова Н.Н. Просто мне кажется, что это интересная работа, где как раз говорится о концепциях традиционалистов, ревизионистов, постревизионистов, и очень четко показано, в чём же отличие между этими тремя школами, или подходами. А вопрос у меня вот какой, возможно, Вы об этом говорили: если я не ошибаюсь, Ваш доклад называется «дискуссии»? Правильно?

Родин Д.В. Да.

Наумова Н.Н. Но Вы все-таки больше говорили о разных подходах. Если кратко ответить на этот вопрос, Вы можете назвать основные проблемы, крупные проблемы, которые легли в основу именно дискуссий? И в нашей историографии, с Вашей точки зрения, когда эти дискуссии начались? В 1980-е, 1990-е гг., или ранее?

Родин Д.В. Наталья Николаевна, можно уточнить: дискуссии, касающиеся в целом проблем «холодной войны», или периодизации?

Наумова Н.Н. Естественно, второе: у Вас же написано о периодизации «холодной войны», но в связи с периодизацией возникают и сами проблемы: кто виноват, когда она началась, какая из сверхдержав внесла потом лепту в её углубление? Когда Вы говорите о проблемах периодизации, как об одной из проблем «холодной войны», то какие вопросы Вы могли бы выделить в связи с изменениями периодизации? Просто вы говорите о подходах, а были ли какие-то реальные дискуссии? У нас раньше журналы «Новая и новейшая история» и «Вопросы истории» организовывали дискуссионную трибуну, но тогда она, конечно, еще не носила названия «круглый стол». Мне кажется, Лев Сергеевич сегодня говорил о том, что много лет назад тоже была дискуссия в журнале, по-моему «Новая и новейшая история», как раз по проблемам периодизации новой и новейшей истории. Такие дискуссии у нас велись? В журналах, в каких-то научных сообществах?

Родин Д.В. Спасибо большое, Наталья Николаевна. И да, Вы меня подловили, абсолютно верно и по делу. Действитель-

но, таких дискуссий не ведется именно по проблемам периодизации. Они касаются того, о чем Вы говорили: кто начал «холодную войну», кто стимулировал, что способствовало завершению. Что касается периодизации, то это получается *заочная* дискуссия: каждый предлагает свой подход, и его либо примут, либо нет. По сути, я специально даже поискал именно дискуссии, которые были между российскими и американскими учёными на этот счет, и нашел, что в рамках семинара «Сталин и холодная война», который состоялся 19–20 марта 1998 г., где участвовали и наши специалисты, и американские, был круглый стол о новейшей истории «холодной войны», но даже там вопрос о периодизации «холодной войны» практически не был затронут.

Его затрагивал только один историк – Войтех Мастны, который отметил необходимость проработки методологии по каждому из этапов войны, При этом Мастны вернулся к старому доброму персоналистскому подходу, потому что связал эти периоды именно с советскими лидерами: «эра Сталина», периоды Хрущёва, Брежнева, Горбачева. Конечно, я бы хотел, чтобы было больше дискуссий; может быть, и мой доклад, и наш круглый стол будут способствовать подобным научным обсуждениям.

Наумова Н.Н. Денис Валерьевич, скажите пожалуйста, Вы сейчас упомянули дискуссию, в которой участвовали американцы и отечественные специалисты. Это всё понятно, дискуссии были о том, кто виноват, кто всё это начал и так далее, а вот не было ли дискуссий внутри нашего отечественного общества?

Родин Д.В. Именно вопрос о периодизации? Такой дискуссии не было.

Наумова Н.Н. Потому что каждый раз это все равно сводится к подходам...

Князев П.Ю. У меня маленький вопрос к Елене Алексеевне по поводу британских «моделей времени»: скажите, пожалуйста, играет ли роль, и какое влияние в принципе оказывает фак-

тор империи и деколонизации, распада Британской империи на выделение внутренних рубежей британскими историками? Насколько он основной, или, может быть, наоборот – он периферийный в моделях, представленных Вами?

Суслопарова Е.А. Я бы так сказала: конечно, в работах по распаду Британской империи выделяются рубежи. Потому что первый этап – это то, что осуществляли лейбористы, то есть это 1945 – 1951 г., этот период выделяют традиционно как рубеж. Следующая ключевая точка – Суэцкий кризис, то есть 1956 г.; до этого Британия ещё на что-то надеялась, после этого уже начинается её отступление. Конечно, когда речь идет о распаде империи, особо выделяется 1960 г., когда Г. Макмиллан поехал в месячное турне по африканским странам и произнес известную речь о «ветре перемен», и тем самым зажег зеленый свет к освобождению африканских государств, к получению ими независимости.

Тут есть своя периодизация, и вообще, если мы будем дробить, скажем 1940-е, 1950-е, 1960-е г., там можно выделять более короткие этапы. С другой стороны, как ни крути, но распад Британской колониальной империи весь укладывается в «период консенсуса». Потому что и лейбористы, и консерваторы были согласны с распадом империи; с тем, что этот процесс неизбежен, что его нельзя остановить, в конечном счете обе партии к этому пришли: лейбористы – раньше, консерваторы – позже. Если мы даём очень крупную разбивку, то здесь, конечно, империя – не определяющий фактор. Но если брать проблему империи за отдельный сюжет, там, разумеется, мы можем давать более детальную, более дробную разбивку.

Князев П.Ю. Спасибо большое, Елена Алексеевна! Это очень любопытно, потому что, как в случае с новой историей, когда предлагают термин «долгий XVIII век», обычно обращаются к внутреннему консенсусу и к тому, как он формировался. Так же точно и в случае с новейшим периодом, историки укладывают в определенные рамки эту имперскую проблему, хотя, конечно, своих остроты и значимости она не теряет.

Роголев Ю.Н. Моё выступление перекликается с тем, что мы слышали от Велихана Салманхановича. Вопрос первый: со всеми этими периодами, дроблением и прочим мне, я сразу скажу, импонирует подход Романа Александровича: есть неизбежная проблема, которую нужно решать, и к ней нужно подойти разумно. И здесь, с моей точки зрения, у нас не должны быть связаны руки какими-то теориями: глобальными, методологическими обоснованиями. Мы слышали много раз в докладах, что в зависимости от цели исследования формируются подход и концепция.

В данном случае, цель нашей дискуссии – построить новый учебный курс. Исходя из этого, мы вполне можем выбирать и даты, и поворотные точки, и сами их обосновывать. В этой связи, конечно, я тоже сторонник того, чтобы середина 1970-х гг. была рубежной точкой, потому что это завершение «золотого века» или «второго золотого века» для Запада, периода благополучного, быстрого, мощного экономического развития, периода «государства всеобщего благосостояния», периода процветания, апогея «общества изобилия», общества потребления – и всё это вдрог подходит к концу в середине 1970-х гг.

Здесь есть и другие аспекты. Например, внешнеполитические: война во Вьетнаме и крах этой агрессии, и многое другое. Мне кажется, здесь нас не должны стеснять никакие теории. Что касается двух или трех периодов, конечно, было бы лучше в три семестра читать, и наши коллеги с кафедр отечественной истории так и поступают. Как нам удастся увязать это с новыми учебными планами, я не берусь судить. Поэтому мы должны всё-таки продолжать обсуждение, выбирать варианты, и как только мы узнаем, в каком плане нам будут делить эти семестры и часы, то исходя из этого и будем выстраивать лекционный курс.

Это и будет наша конкретная концепция курса новейшей истории, и здесь нужно найти будет обоснование, как теоретическое, так и методологическое. Но, я думаю, это можно сделать в рамках прозвучавших сегодня аргументов: это вполне

возможно и с точки зрения национальной историографии, и с точки зрения общего взгляда на историю. Это всё можно делать, и здесь очень много пересечений: тот же консенсус был не только в Великобритании, несмотря на крушение Британской империи, но и в Америке консенсусный период совершенно четко прослеживается, а если взять период 1990-х гг. и «третий путь», разве он характерен только для политики Тони Блэра? А Шрёдер? Но разве только Шрёдер и Блэр, а как же Клинтон? Ведь они на троих одну книжку написали, брошюру по «третьему пути».

Мы видим достаточно много *пересечений*, которые можно использовать для практического выстраивания лекционного курса. Делать это надо разумно, я уже цитировал свою бабушку: «понятно, что здесь надо работать головой». Мы в состоянии обосновать и теоретически, и методологически и деление на две части, и деление на три части. Так что в зависимости от того, как это будет складываться, мы и должны будем практически действовать.

Второй момент более провокационный, его озвучил Лев Сергеевич: отказываться или не отказываться от концепции «нового времени»? Концепция эта впервые появилась не у большевиков, она родилась гораздо раньше. Мои коллеги-германисты наверняка знают, как появилась концепция «нового времени»: Л. фон Ранке читал курс истории «нового времени» ещё в XIX в. То есть всё-таки остаётся вопрос, как понимать «новейшее время»: если понимать его только как концепцию большевистскую – как период крушения империализма, общего его кризиса, как появление новой системы – тогда, да, это узкое понятие; если идеологическую основу убрать, то понятие расширится: это будет уже приемлемый термин для обозначения того, что происходит в последние годы. Наталья Николаевна тоже упоминала, что во французской историографии появляется концепция «современного времени», *présent* или *present times*.

Раньше историки не приближались к современности, они стремились «не трогать», примерно, 50–60–70 недавних лет. В последние годы мы видим, что из-за междисциплинарных подходов историки всё больше «приближаются» к современности. Мы и так доводим все курсы буквально до сегодняшнего дня. Концепция «новейшего времени», «современной истории» (не важно, как мы ее именуем) – здесь всё зависит от наполнения содержанием того или иного термина, который используется. Например, во Франции многие историки весь период после Французской революции называли периодом «новейшего времени» – повторюсь, это не большевики впервые придумали.

Ещё один момент касается третьего периода и возникновения так называемого «нового общества». Здесь я полностью согласен с теми терминами, которые прозвучали в докладе Велихана Салманхановича и которые мы начали обсуждать в дискуссии в связи с теорией модернизации. В этом смысле я относился бы к переменам очень осторожно, возможно, я выступаю как консерватор, как сторонник формационного подхода. Я бы не стал списывать со счетов капитализм, и то, что он переродился в информационное, постиндустриальное общество.

Во-первых, я бы не стал «хоронить» и традиционный, промышленный капитализм: он ведь не исчезает. Когда мы говорим о постиндустриальном обществе, мы имеем в виду, что в Америке исчезают целые отрасли; это правда, там они перестали существовать как отрасли промышленности, легкая промышленность полностью исчезла, вся текстильная и швейная промышленность исчезла, но это не значит, что американцы голые ходят, они же где-то это всё покупают, значит, кто-то это производит. Когда-то мастерской мира была Великобритания, а сейчас где мастерская мира? Она есть: что бы мы делали без китайской тяжелой промышленности, без южнокорейской тяжелой промышленности, например, судостроения – Юго-Восточная Азия теперь и есть мастерская мира.

В докладе Велихана Салманхановича говорилось об индустриализации, кто-то говорит о постиндустриальном обществе,

а где-то идет мощная индустриализация, например, в Индии и Китае, и у нас в России некий второй этап этой индустриализации происходит. В этом смысле довольно трудно понять попытки президента Д. Трампа вернуть производство на территорию Соединенных Штатов, создав тем самым новые рабочие места. Мы видим, что перенос производства в другие страны имеет не только свои пределы, но и свои негативные последствия. Для Соединенных Штатов это означает зависимость от Китая. Если сейчас они прекратят торговлю с Китаем, то лишатся необходимых для жизни товаров.

Поэтому, когда мы говорим о постиндустриальном обществе – это очень специфическая проблема, в том числе и потому, что ряд производств из США уже переместились в Китай. Это стало возможным благодаря политике западных стран и при их контроле (финансовом и промышленном). Мне кажется, всё не закончилось в 1991 г., мы видим трансформацию и модернизацию западного общества, модернизацию именно как продолжение той «современности», какой её понимают на Западе. Мы видим, что в США и странах Европы деиндустриализация имеет и негативные последствия. Как будет развиваться эта ситуация в дальнейшем – вопрос открытый.

Выступая за очевидную рубежную дату 1991 г., поддерживая те тезисы, которые связаны с модернизацией западного общества, в том числе и на постиндустриальной информационной основе, всё-таки нужно видеть, что это ещё не конец капитализма как такового. В чём советская периодизация имела очевидные недостатки – так это в том, что она отказывала в развитии западному обществу, она считала, что оно уже распадается и развиваться уже не может, в этом состоял главный недостаток советской концепции. Но мы видим, что западное общество при этом развивалось – так же, как и сейчас, конец истории так не наступил. Вот мои краткие тезисы, посвященные сегодняшней дискуссии. Она была очень интересной, я с большим интересом прослушал все выступления, они были очень насыщенными

и теоретически, и конкретными фактами, так что я получил большое удовольствие.

Андронов И.Е. Я впервые присутствую на таком представительном собрании специалистов, занимающихся новейшей историей. К этому мероприятию меня привлекло чтение тех статей, которыми Лев Сергеевич с нами поделился, которые предложил для «затравки» нашего диалога. Я вижу, что вопрос о периодизации новейшей истории сложен, и он усложняется с каждым годом, с течением времени, по мере которого добавляется материал к последнему из периодов и он начинает перевешивать остальные – это очевидно. Мне очевидно также, что при выборе критериев, доминируют соображения политической истории. Конечно, мы берем во внимание и вопросы социальной, и экономической истории, и даже, пусть и очень редко, культурной; но тем не менее, политическая история преобладает.

В тех текстах, которые предложил Лев Сергеевич, шла речь о том, что делать в средней школе с преподаванием истории, о том, что там сложился перекокс между классами. В школе перекокс очевиден для каждого человека, имеющего детей школьного возраста. Я имею ввиду отмеченную когда-то с удивлением Марком Ферро тенденцию делить историю на «свою» и «общую», на историю России и всех остальных стран. В школе это носит ещё и совершенно очевидный иерархический характер, потому что история России сдаётся на выпускных и вступительных экзаменах, а всемирная история не сдаётся. Она, к сожалению, носит второстепенный характер.

Что касается университета, то здесь сложилась богатая традиция, практика и, конечно, изучение отечественной истории отдельной линией имеет больше смысла, хотя и может быть переосмыслено на современном этапе. Очевидно, что «изоляция» отечественной истории в школе и её гипертрофированное изучение за счет всей остальной приводит к примитивному восприятию патриотизма, которое очень сильно искажает оптику самого массового пользователя истории – ребенка и молодого

человека, который потом формирует наше общество не только в плане изучения истории, но и во всех остальных планах.

Во-вторых, мне кажется, что при изучении новейшей истории, особенно того отрезка, который мы признали ее «вторым периодом», то есть после Второй мировой войны, мне кажется, имеет смысл обсудить вопрос о преодолении разрыва между изучением истории Советского Союза и изучением истории всего мира. Конечно, Россия имеет особое положение, особый путь и большую специфику, но в этот период история СССР развивается в парадигме западной истории, в диалоге и взаимодействии с историей западных стран, поэтому история России должна быть во всемирную инкорпорирована. Это, кстати говоря, может принести и дополнительные часы в перспективе тем, кто читает новейшую историю и ничего не успевает. Спасибо за возможность высказаться, возможно, я был несколько сумбурен, но я поделился самыми сокровенными переживаниями, которые меня гложут в отношении новейшей истории.

Бородаев В.А. Тоже буду, видимо, сумбурен, потому что по многим вопросам хотелось бы что-то сказать, а долго говорить нельзя, поэтому буду выступать тезисно. Я буду исходить из того, что было сказано и прочитано, в том числе и из статей Льва Сергеевича. Меня немного смутила высказанная выше идея по поводу того, что семьдесят лет социалистического эксперимента завершились тем, что он потерпел полный провал. Я считаю, что это – повторение идеи Фукуямы о «конце истории», в таком случае получается, что капитализму нет альтернативы.

Я согласен здесь с тем, что, не знаю, имел ли это в виду Василий Николаевич, но прозвучала мысль о том, что СССР и Китай – это «часть одного и того же процесса». По крайней мере, до определенного момента, пока наши компартии не разошлись на почве осуждения культа личности и других, видимо, геополитических коллизий. Действительно, Советский Союз и страны Восточной Европы перестали существовать как социалистические, но Китай никуда не делся. Мы можем спорить о том,

является ли он социалистической страной, об этом ведутся большие дискуссии, но у меня нет в этом никакого сомнения: Китай, всё-таки, является социалистической страной, несмотря на все его несоциалистические перегибы. Не случайно в свое время Дэн Сяопин, когда начинал реформы, ныне успешно воплощенные в жизнь и превратившие Китай в мастерскую всего мира, с чего в свою очередь начинается господство, в том числе политическое и военно-политическое, говорил: «мы ничего не придумывали нового, мы взяли и полноценно применили ленинский НЭП».

Помимо Китая существует ещё ряд социалистических стран, которые могут кому-то не нравиться, кто-то над ними смеётся, как над КНДР, но, тем не менее, они существуют и пытаются дать какую-то альтернативу западному пути. В Латинской Америке до сегодняшнего дня очень мощно, но с переменным успехом идёт «левый поворот», и появляются страны леворадикальной ориентации. Юрий Николаевич говорил о том, что капитализм не стóит списывать со счетов раньше времени; я считаю, что это применимо и к социализму, хотя, конечно, это консервативно звучит. Тут есть вопрос о том, что в последнее время бестселлером по продажам на Западе являются труды Карла Маркса, в западных университетах он – самый читаемый автор.

Что касается выбора терминологии: «новейшая история» или «современная», то это синонимы. Когда мы говорим о том, кто первый сказал, Сталин или кто-то ещё, можно вспомнить шутку: «это всё придумал Черчилль в восемнадцатом году». В связи с этим, вернусь к англичанам. Они говорили, что всё, что меньше ста лет – это «не история, а современность». В этом плане, я считаю, они совершенно правы. Поэтому наш период новейшей истории пока укладывается в эти сто лет. Также я хотел бы напомнить о работах И. Валлерстайна, который сказал, что крах Советского Союза одновременно подразумевал и крах идеи прогресса, выдвинутой в период становления капиталистического общества.

Если мы берём современную статистику, то видим, что современный капиталистический мир из одного кризиса переходит в другой: пандемия сыграла роль, которую ранее играли вб́йны, в которых обычно капитализм находил выход из внутренних коллизий. Хотел бы заметить, что если брать тенденцию развития современного капитализма, то процент наемного труда сейчас выше значительно, чем он был прежде, и с каждым годом он увеличивается. Совершенно справедливо сказал Юрий Николаевич о том, что меняются категории тех, кто занимается трудом, и сам характер труда меняется, но процент людей, работающих по найму, постоянно растёт.

Истратов В.Н. Мне придется начать с ответа Владимиру Алексеевичу. Китай в настоящее время (за последние 30 лет с тех пор, как он остался в одиночестве) не олицетворяет собой ту альтернативу, которую пытался поддерживать ещё 50 лет назад. Возможно, я не прав, поскольку знаю историю Китая скорее как наблюдатель, нежели чем как исследователь. Насчет Китая вообще много вопросов возникает, например, рост Китая является условием его существования, и в какой-то момент этот рост неизбежно должен прекратиться просто потому, что земной шар маловат для Китая. Что после этого произойдет – возникнет какая-то проблема. Но это спор, скорее, обращенный в будущее.

Хочу вернуться к разговору о том, о чем мы должны были говорить сегодня. Заголовок нашего круглого стола – «рубежи новейшей истории», и я призываю разделять эти рубежи и членение учебного курса на первую и вторую части. Это не совсем одно и то же. Я бы не согласился с Юрием Николаевичем, когда он говорит о том, что необходимо подождать и принять, сколько нам часов на это дадут. Если мы будем ждать, то рискуем дожидаться инфаркта у всех нас, когда станет известна эта цифра. Поэтому давайте будем действовать, исходя из того, что, во-первых, мы должны дать периодизацию новейшей истории, условно говоря, для себя. Во-вторых, я поддержу тех, кто гово-

рил о том, что не принципиально, как её именовать: новейшая история или современная история. Не забывайте, что на английский язык название нашей кафедры переводится без слова «новейшая» история, его не было изначально в английском переводе названия нашей кафедры.

Бородаев В.А. На все европейские языки оно переводится с использованием термина «современная».

Истратов В.Н. Совершенно верно, перевод названия снимает этот вопрос, мы же не будем менять название кафедры на английском языке. Ну и последний момент: формулировка «долгий XX век», подвигла меня на то, чтобы заявить о том, что он всё же был коротким. А кто сказал, что он долгий?

Бородаев В.А. Э. Хобсбаум считал, что он был «коротким».

Истратов В.Н. Не было среди выступавших людей никого, кто заявлял бы, что он был долгим. Рубежи нужно понимать четко, а долгим ли был двадцатый век, ну если всё-таки долгим, то надо следующую дискуссию проводить, где будет доказано, что он долгий.

Агансон О.И. Спасибо, уважаемые коллеги, за высказанные Вами интересные мысли и соображения касательно и периодизации как новейшей, так и современной истории. В связи с этим у меня возникло три соображения, которыми я бы хотела с вами поделиться. Во-первых, мне кажется, что всё зависит от субъекта, который занимается этой периодизацией, от субъекта познающего, иными словами, от нас, от историков. И как было проиллюстрировано в прозвучавших докладах, у каждого свои критерии, свои позиции – это зависит и от региональных, и от культурных факторов.

Здесь можно, действительно, перечислить целый комплекс обстоятельств, которые не позволяют нам говорить о наличии какой-то единой системы, единой периодизации истории. В связи с этим, как мне кажется, затеянная дискуссия имеет принципиально важное значение, поскольку та периодизация, которую мы сейчас выработаем, к которой мы придём, утвердим и в по-

следующем будем использовать – это вообще вопросы конвенционализма, а очевидно, что как любая периодизация она будет носить относительный характер. Но, тем не менее, в данном случае мы зададим определенный тренд, мы здесь будем выступать как настоящие пионеры, как настоящие первопроходцы, по крайней мере в вопросе структурирования курса по новейшей истории, его переформатировании. Возможно, этот опыт будет дальше использоваться историческими факультетами. Поэтому, как мне кажется, это дело очень важное.

Второй момент неразрывно связан с первым, уже обозначенным мной – будучи субъектом познающим, мы должны отдавать себе отчет в том, как мы *воспринимаем* современность. Владимир Алексеевич процитировал англичан, которые всё, что было на протяжении последних ста лет, относят к современности, для них это не история. Но, если мы сравним наше ощущение, наше восприятие событий последних ста лет с восприятием наших студентов, то очевидно, что это будет различаться, и очевидно, что наше понимание современности будет меняться по вполне естественным причинам, связанным с поколенческим фактором, поколенческим восприятием.

И это, как мне кажется, коррелирует с тем фактором, который затронул Александр Юрьевич, с повествованием о том, что всякая периодизация, всякая история (в том числе и новейшая) – это понятие очень подвижное, очень динамичное. В связи с этим встает вопрос о терминологии, о том, что терминологию нельзя пересматривать через каждые 15–20 лет в зависимости от того, как новое поколение начинает работать. Здесь, на мой взгляд, есть ещё один принципиальный момент: как мы будем использовать эту терминологию? Будем ли мы оперировать термином «новейшая история», термином «позднее новое время», «современная история» – всё же очевидно, что сейчас нам будет сложно отказать от понятия «новейшая история».

Современники событий, например, Эдуард Карр, говорили о том, что мы переживаем «революцию», которая началась ещё

в годы Первой мировой войны, но завершилась только в период Второй мировой войны, что мы теперь отказываемся от традиционных понятий XIX в. (капитализм *laissez-faire*, национализм и либеральная демократия). Иными словами, таким образом Карр, как и многие другие его современники, воспринимал происходившие события как смену вех. А события действительно были драматическими, потрясающими, судьбоносными.

Для Карра это была «новейшая» история, но, опять-таки, что есть «новейшая», а что есть «современная» история? Как мне кажется, понятия «нового времени», «новейшей истории», «современной истории» – эти термины могут остаться, но их наполнение, их периодичность будут меняться в зависимости от того, как последующие поколения историков будут интерпретировать, будут рассматривать эти периоды. Поэтому такая периодизация, интеграция всех этих трёх понятий может выглядеть довольно продуктивно, учитывая, что мы работаем на перспективу, это позволит нам установить определенную связь с последующими поколениями историков.

Третий момент, который мне бы хотелось затронуть – это возможность принять поливариантность периодизации в зависимости от того, к какой области исторического знания мы обращаемся. В данном случае, мне ближе сфера международных отношений. Денис Валерьевич перечислил разные трактовки возможной периодизации «холодной войны», но мне бы хотелось в данном случае сослаться на таких авторитетных авторов, как И. Валлерстайн, Дж. Модельски, Б. Бьюзан и Дж. Лоусон, которые в своей периодизации исходят из понятия «длинных циклов». В эти «длинные циклы» входят изменения формата взаимодействия ядра и периферии, «модуса мощи» (такой термин используют Б. Бьюзан и Дж. Лоусон). В зависимости от смыслового наполнения этих терминов и оценки изменения силы, опять-таки обусловленного совокупностью различных факторов: политических, экономических, геополитических, военных – мы можем производить периодизацию истории, по-

строенную на совокупности критериев. Использование той или иной модели будет зависеть от субъекта познающего; от того, каковы у нас мировоззренческие парадигмы, какой подход нам ближе. Поэтому, если говорить об отдельных областях исторического знания, то я бы склонялась к поливариантной периодизации.

Соловьёв С.А. Прежде всего, я бы хотел поблагодарить всех, кто сегодня выступал, и с очень интересными докладами, и в наших дискуссиях – всё это было, действительно, очень важно и нужно. Для меня последняя часть круглого стола с историографией – это обогащение огромным материалом. Я хотел бы разделить два тесно связанных, но тем не менее совершенно различных аспекта нашего сегодняшнего обсуждения.

Первый аспект – это, конечно же, проблема периодизации, и не только новейшей, но всего нашего курса новой и новейшей истории. Конечно, очень большую помощь оказали статьи Льва Сергеевича – это всё очень полезно и некоторыми мыслями, взятыми из них, я попробую воспользоваться. Но у нашей сегодняшней дискуссии был на мой взгляд один, хотя очень понятный и объяснимый, недостаток. Дело в том, что, как мне представляется, мы прослушали, позволю себе так выразиться, «краткий курс» новейшей истории. Что я имею в виду: каждый из выступавших, заявляя некоторые поворотные точки (именно точки, а не рубежи), забывая какие-то вешки, он под них обязательно «нагребал» какую-то кучу событий, причем из самых разных областей: и экономические, и политические, прежде всего, и из международных отношений – всё это складывалось под забытые докладчиком вешки.

Отсюда не просто субъективизм, отсюда уход от попытки создать некий общий критерий, пусть и с использованием конкретных исторических фактов. Во-первых, я буду опираться на то, что Юрий Николаевич назвал своим «консерватизмом», я в этом еще вопросе более консервативен, чем он. В своей статье и речи Лев Сергеевич не рекомендовал выбрасывать

за борт теорию не столько цивилизационную, сколько формационную. Формационная рамка задаёт возможность для создания неких общих критериев. Я здесь выступаю с точки зрения человека, который уже многие годы читает курс по эволюции мирового хозяйства, то есть по экономической истории, строго говоря, которой я всю свою научную жизнь занимаюсь, от рубежа XV–XVI веков и до современности практически. В этом смысле, мне кажется, что это создаёт основу для некой теоретической базы, для некоего теоретического фундамента.

Что я имею в виду: капитализм адаптивен, он приспособляется, может быть гибким, может осуществлять иногда глубокие, иногда поверхностные реформы, но он адаптируется – это принципиально важно. Именно поэтому мы можем говорить о такой длительной истории капитализма: от первого периода, который мы относим к раннему новому времени, до современного, то есть «позднего» капитализма, ниже я отдельно скажу, что такое с моей точки зрения «поздний капитализм». На этом долгом историческом пути, действительно, есть определенные очень важные моменты.

Прежде всего, отметим начало нового времени – первые векполтора, становление капиталистических отношений. Сложный очень период, я сейчас не буду об этом говорить. Дальше следует период мануфактурного капитализма, который, в сущности, вытесняет капитализм торговый и превращается в основу для промышленного переворота. На мой взгляд, если мы будем подбираться к истории новейшего времени, то вот что стоит иметь в виду: мы с вами имеем четыре почти законченных модели с промежутком примерно в полвека. Если мы будем отсчитывать становление классического рыночного капитализма с первого кризиса капиталистического производства, который наступил в 1825–1827 гг., то этот этап, примерно в 50 лет – это этап существования классического, рыночного, конкурентного капитализма.

Далее идёт следующий этап – это кризис 1873 г. – становление другой модели, где одновременно сосуществуют и взаимо-

действуют, как было не раз показано в истории, рыночный, то есть конкурентный, тип регулирования воспроизводства и тип монопольный, или как теперь справедливо его называют, корпоративный тип регулирования экономики. Дальше в этом возникает некая лакуна, потому что Первая мировая война дала совершенно потрясающий опыт государственного вмешательства в экономику, практически до границ национальной экономики распространяющийся. И это был, впервые в истории человечества, элемент конверсии, а затем, после войны, начинается процесс реконверсии, то есть выхода экономики из войны в мирное время.

И вот это как раз ту модель, о которой я говорю, немножко деформирует, но тем не менее, двадцатые годы – это абсолютное господство монопольного типа регулирования. Я в своих лекциях называю это «заповедником монополий»: ни снизу никто не давит, ни сверху никто, потому что только что избавились от государственного регулирования. А далее, с кризиса начала 1930-х годов, с Великой депрессии, наступает следующий полувековой этап, который, как и предыдущие, открывается кризисом и продолжается (абсолютно все сегодня о этом говорили) до середины 1970-х годов, когда опять в рамках очередного кризиса начинает возникать новая модель капитализма (я сейчас отдельно скажу как её стоит называть), которую деформирует, причем очень серьезно, крах биполярного мира, который наступает в 1989–1991 гг. Сейчас ещё не очень понятно, что будет, но это отдельный разговор.

Итак, ключевые этапы можно совершенно чётко вычленять: становление капиталистических отношений, мануфактурный капитализм, рыночный конкурентный капитализм, и так далее. А что же такое, многократно сегодня упоминаемое, постиндустриальное общество? Для меня всегда дико звучат эти вещи: постмодернизм, даже постимпрессионизм, точно также и «постиндустриальное общество». Что это значит? Это значит, что оно следует после индустриального, хорошо, после, я понимаю.

А содержание-то его какво? А содержание его, с моей точки зрения – это начало становления информационной стадии капитализма. Ибо не случайно, вот тут Юрий Николаевич точно не даст мне соврать, что первые индивидуальные компьютеры появляются в районе 1975 г., ещё через три года на сцену выходят Билл Гейтс и его «Майкрософт», и так далее – такова фаза становления нового общества. Я не говорю, конечно, про 1990-е годы с их Интернетом и цифровизацией – это, безусловно уже информационное общество. Оно очень многое изменяет.

Называть ли нынешний этап «современной историей»? Тут есть вот какой важный момент, на который я хочу обратить внимание: дело в том, что Наталья Николаевна заметила очень важную вещь. Она заметила, что этот этап – подвижный. Вообще современный этап истории не имеет конца, пока что. Он все время прирастает фактами, событиями и процессами. В этом смысле надо понимать две вещи: во-первых, Наталья Николаевна сказала, что эта граница движется вместе с движением поколений, то есть то, что помнят ныне живущие поколения – это и есть «современная история». Но есть и другой очень важный, чисто технический, если не сказать инструментальный, момент – дело в том, что в каждой более или менее развитой стране есть определенный срок недоступности архивных данных: в основном это 25 лет, в Англии – 30 лет, но это тот отрезок истории, который нельзя изучать по архивным материалам, то есть это «неполная» история – это технический, может быть, момент, но он тоже очень важен.

Мирзеханов В.С. Коллеги! Я с большими радостью и интересом послушал все выступления и этот наш разговор, по итогам которых я определил, что ключевой сюжет сегодня – это периодизация для учебного процесса и преподавания истории, по крайней мере, в высшей школе на исторических факультетах. Поэтому я за скобками оставляю проблемы периодизации для исследований, об этом я достаточно сказал в своём докладе. Из того, что мы сегодня обсуждали, очевидно, что каждое новое

поколение смотрит на прошлое своими глазами, граница между прошлым и настоящим неизбежно смешивается. Это многие сегодня отмечали, и Александр Юрьевич это отметил, и совершенно очевидно, что современная история не имеет окончательно оформленных рамок – граница между современной и новой историей будет подвижна. В разных историографиях это будет по-разному, но это мы можем твердо констатировать.

Если говорить об исходных рубежах, я буду пользоваться термином «современная история», хотя у Вас кафедра новой и новейшей истории, и я в Институте всеобщей истории возглавляю сектор новой и новейшей истории, на уровне наименований всё достаточно стандартно. Мне кажется, что этим исходным рубежом, по крайней мере в XX веке, является 1914 г. Сегодня были мнения, что это 1918 год, но особой разницы нет: глубинная связь 1914 и 1918 годов не подлежит сомнению. Мы все понимаем, что всё, что произошло в 1918 г., произошло именно потому, что началась Великая война, которая перевернула мир. И я думаю, что мы можем достаточно легко начинать XX в. именно с этого периода: с Великой войны. Вопрос не в том, короткий это век или долгий, вопрос действительно в том, когда мы завершим этот век для студентов. Поскольку мы представляли его как «короткий XX век», понятно, что мы его завершаем 1989–1991 гг.

Внутренняя градация этого века – прежде всего вопрос организации учебного материала. Я понимаю, что IV курс бакалавриата – это уже современная история, но для меня понятно, что, говоря о ее втором периоде – послевоенном – мы говорим про «второй мир». При этом нельзя забывать и про «третий мир», и совершенно очевидно, что важнейшим историческим процессом после Второй мировой войны была деколонизация. Посмотрите программы: мы видим, что происходит на всемирных конгрессах историков, или на одном очень интересном форуме – Европейском конгрессе по глобальной истории, по транснациональной истории. Мы видим перечень панелей, секций, докла-

дов, и становится совершенно очевидно, что европоцентризм уходит в прошлое, и как бы мы ни любили эту традицию и не следовали ей, она неизбежно уйдёт в прошлое.

Я по итогам нашего сегодняшнего обсуждения главную проблему вижу не в периодизации: когда мы начнём век и когда закончим, как организуем учебный материал. Я вижу гораздо более сложную проблему вот в чем: сохраним ли мы в рамках учебных курсов отдельно Россию, Запад, Восток, или мы должны как-то переструктурировать материал? Мы с Вами прекрасно понимаем, как после 1989 г. происходит переосмысление пространственных категорий: к примеру, деление «Запад – Восток» сильно поменялось с начала XX века; «Север – Юг», «Восточная Европа – Кавказ» или «Ближний Восток» – переосмысление пространства происходит тотальное. Диапазон исследований, вот эта палитра от макроистории до микроистории, безграничен; специализация расширяется.

Здесь мы с Вами сегодня говорили о политической истории, экономической истории и об истории международных отношений. А какое огромное место в историографии сейчас занимает институциональная история, социологическая история – всё что угодно. Неужели всё это мы оставим за бортом нашего преподавания? У нас это не получится, и именно поэтому мне представляется более важным вопросом вопрос о новой организации имеющегося материала. Конечно, я понимаю, что будет доминировать национальная модель преподавания истории, в учебных курсах ключевой останется история Российской империи, Советского Союза и России, но вопрос заключается в том, как мы её встроим во всемирную историю, как мы её дадим.

В моём представлении, наш курс современной истории изменится: позже в нем место основного тренда займёт XXI век, и перед нами будет стоять задача выяснить, был ли XX век «коротким», или календарным. Так или иначе, но XXI век отвоюет себе место под солнцем – и это будет совершенно другая история. Сегодня нам много рассказывали о теории модернизации,

но ритмы истории – это не только теория модернизации. Теория модернизации очень сильно переосмыслена современной историографией. Поэтому вопрос, на мой взгляд, заключается в том, что другие миры безусловно займут своё место в историографическом процессе: все имели свою историю, не только Европа и Россия – это не подлежит сомнению. Даже в далеких тропиках, где не было письменности, шла своя история. И главная трудность, которую я вижу даже в научных проектах – это уйти от идей превосходства Европы во всём: в науке, технологиях, организации общественной жизни, государства и во многом другом, потому что эта философия превосходства не конструктивна в современном мире, в том числе и при презентации истории.

Ныне мы видим «расколотый» мир, где нам уже кажутся замечательными порядки сложного биполярного мира: были правила и все им следовали, а сейчас уже правил-то никаких нет, и если когда-нибудь новые правила установят – это будут другие правила. Эти правила потребуют уважения по отношению к бедным, отставшим, неразвитым странам. Поэтому, мне кажется, главной проблемой является вопрос о том, как включить весь мир в нашу «презентацию», а консенсус относительно разделения нашего курса мировой истории, я думаю, мы найдём.

При этом понятно, что нашей основой и опорой будет история России. Я не считаю принципиально важным жестко отсекать друг от друга имперский и советский периоды, а также постсоветскую Россию: глубинные механизмы преемственности истории и культуры чрезвычайно велики, и нам это ни в коем случае не следует забывать. Многое из того, что было в них заложено, а, значит, и того, что мы сейчас обсуждаем в новейшей истории, восходит к истории древней и средневековой. Наследие не может исчезнуть из нашей политической культуры: мы можем признать, что исчезли империи, но идейное, институциональное наследие, наследие в политической культуре, не исчезнет.

В этом смысле мой пафос обращен в пользу того, чтобы мы всё-таки попытались показать нашим студентам все богатство смыслов в истории и, вопреки потребностям сегодняшней эпохи, ни в коем случае не соглашались представлять её черно-белой, а сумели бы, именно студентам-историкам, показать историю всех веков, в том числе и современную, во всём ее многообразии. Мы это способны сделать, и я специально приехал на исторический факультет, чтобы дать новый толчок сотрудничеству нашего института и Вашего факультета; я напомню, что 70% наших научных сотрудников – выпускники исторического факультета МГУ. Мы можем сотрудничать и двигаться вперед, чтобы уберечь нашу профессию от опасностей современного мира.

Сведения об участниках дискуссии

Агансон Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Андронов Илья Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Белоусов Лев Сергеевич – д.и.н., профессор, академик РАО, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Бородаев Владимир Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Вершинин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Истратов Василий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Князев Павел Юрьевич – научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Мирзаханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора и руководитель отдела новой и новейшей истории Института всеобщей истории РАН.

Наумова Наталья Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Роголев Юрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Родин Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Сетов Роман Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Соловьев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории МГУ имени М.В. Ломоносова.

Суслопарова Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

**Именной указатель авторов
упомянутых в дискуссии работ**

- Батюк, Владимир Игоревич 76*
Белоусов, Лев Сергеевич 9, 109
Бёрк, Питер 32
Бродель, Фернан 18
Брутенц, Карен Нерсесович 79
Булдаков, Владимир Прохорович 70, 83
Бьюзан, Барри Гордон 100
Валлерстайн, Иммануил 96, 100
Вестаад, Одд Арне 78
Винклер, Генрих Август 53, 54
Гайдук, Илья Валерьевич 79
Дёринг-Мантойфель, Ансельм 55, 56
Джилас, Милован 67
Зубок, Владислав Мартинович 74, 84
Израэлян, Виктор Леонович 79
Карр, Эдуард 99, 100
Ким, Максим Павлович 66
Кондратьева, Тамара Сергеевна 69, 84
Корниенко, Георгий Маркович 80
Коткин, Стивен 68, 83, 84
Ле Гофф, Жак 32
Лоусон, Джордж 100
Лундестаад, Гейр 86
Ляховский, Александр Антонович 80
Майнеке, Фридрих 51
Малиа, Мартин 67
Мальков, Виктор Леонидович 79
Мартин, Терри 69
Мастны, Войтех 88
Маяцкий, Михаил Александрович 57
Мирзеханов, Велихан Салманханович 13, 45

Модельски, Джордж 100
Нафтали, Тимоти 76, 79
Нежинский, Леонид Николаевич 76
Олимпиев, Анатолий Юрьевич 75
Остерхаммель, Юрген 14, 21
Печатнов, Владимир Олегович 75, 86
Плешаков, Константин Викторович 74
Ранке, Леопольд фон 91
Ремон, Рене 32
Ротфельс, Ганс 52
Скороходова, Ольга Николаевна 84
Ферро, Марк 94
Филитов, Алексей Митрофанович 78
Фицпатрик, Шейла 69, 84
Фурсенко, Александр Александрович 76, 79
Фюре, Франсуа 66
Хазанов, Анатолий Михайлович 75
Хобсбаум, Эрик 7, 98
Холквист, Питер 68, 84
Чубарьян, Александр Оганович 9
Шлезингер–младший, Артур Мейер 53
Эйзенштадт, Шмуэль 68, 83
Эко, Умберто 32
Юрчак, Алексей Владимирович 70

The boundaries of contemporary history through the eyes of contemporary researches: collection of papers/ under the general editorship of L.S. Belousov. – Moscow : MAKS Press, 2023. – 116 p. – (Proceedings of the Historical Faculty of Moscow State University. Issue 236. Series II: Historical Research, 164).

ISBN 978-5-317-07110-3

DOI: <https://doi.org/10.29003/m3785.978-5-317-07110-3>

The collection of papers was prepared on the material of the round table “The Long 20th Century? Frontiers of contemporary history in the assessments of modern researchers,” which was held on April 28, 2021 at the Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University. On the pages of the book, representatives of the Moscow State University and the of Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences offered their answers to questions about the criteria that can be used as the basis for the periodization of contemporary history. Approaches to periodization of the contemporary period in various historiographical traditions are analyzed, and the question of how new approaches to periodization can affect the structure of higher education courses is considered. The publication is intended both for teachers and for specialists in the field of contemporary history and historiography, as well as for a wide range of readers.

Keywords: historiography, periodization of history, teaching of contemporary history, global history.

Научное издание

Труды исторического факультета МГУ, вып. 236
Серия II. Исторические исследования, 164

**РУБЕЖИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Под общей редакцией Л.С. Белоусова

Подготовка оригинал-макета:

Издательство «МАКС Пресс»

Главный редактор: *Е.М. Бугачева*

Компьютерная верстка: *Т.Б. Цветкова*

Обложка: *А.В. Кононова*

Подписано в печать 20.12.2023 г.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 7,25.

Тираж 50 экз. Заказ 202.

Издательство ООО «МАКС Пресс»

Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, 2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

